дозв. цензъ. спб. 28 ноября 1890 г. тип. тов. „общ. польза“, в. подъяч., 39.

А. С. Пушкинъ.

КОПІИ СЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ ПУШКИНА.

1820. рис. Ж. Верне.

1827. рис. Тропининъ.

1827. рис. Кипренскій

1828. грав. Уткинъ.

?. рис. Мазеръ.

1836. рис. Брюлловъ (съ 1827.)

КОПІИ СЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ ПУШКИНА.

1836. рис. Соколовъ.

1836. рис. Райтъ.

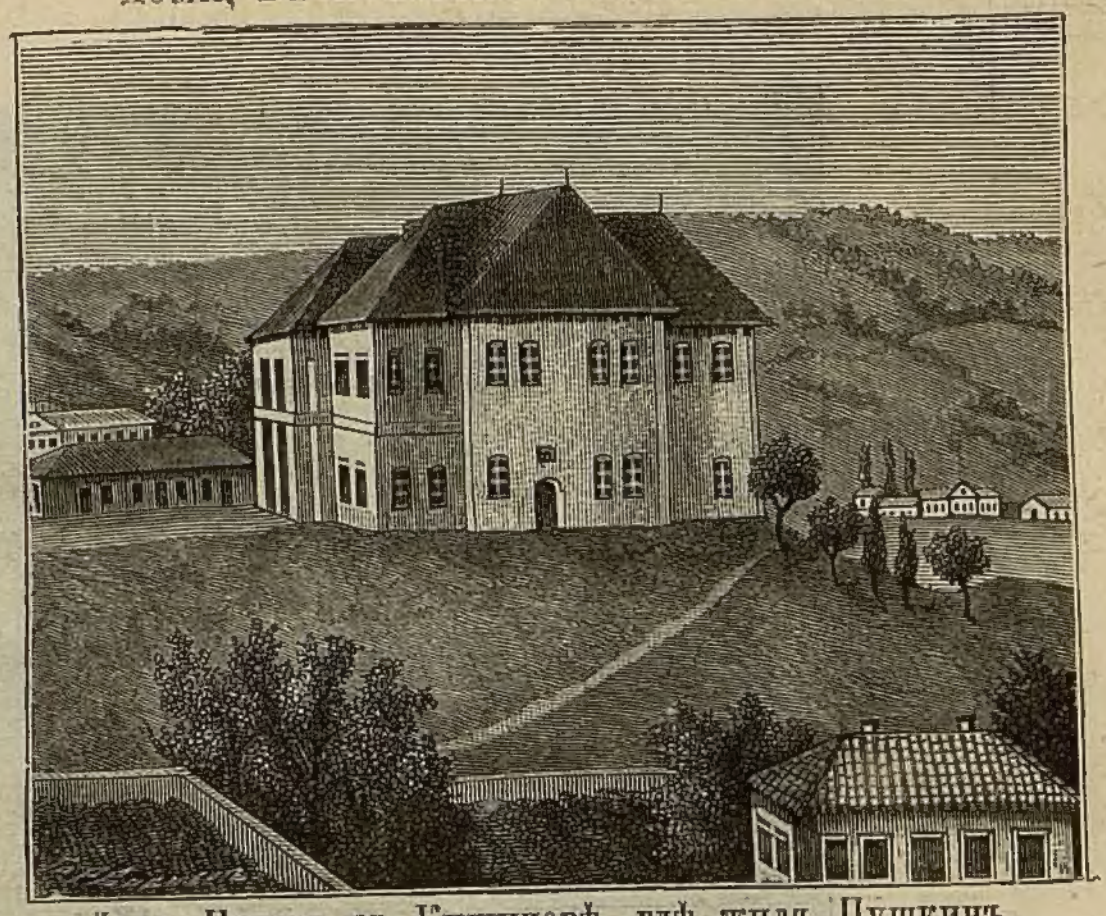
† 1837. рис. Львовъ.

† 1837. рис. Калининъ.

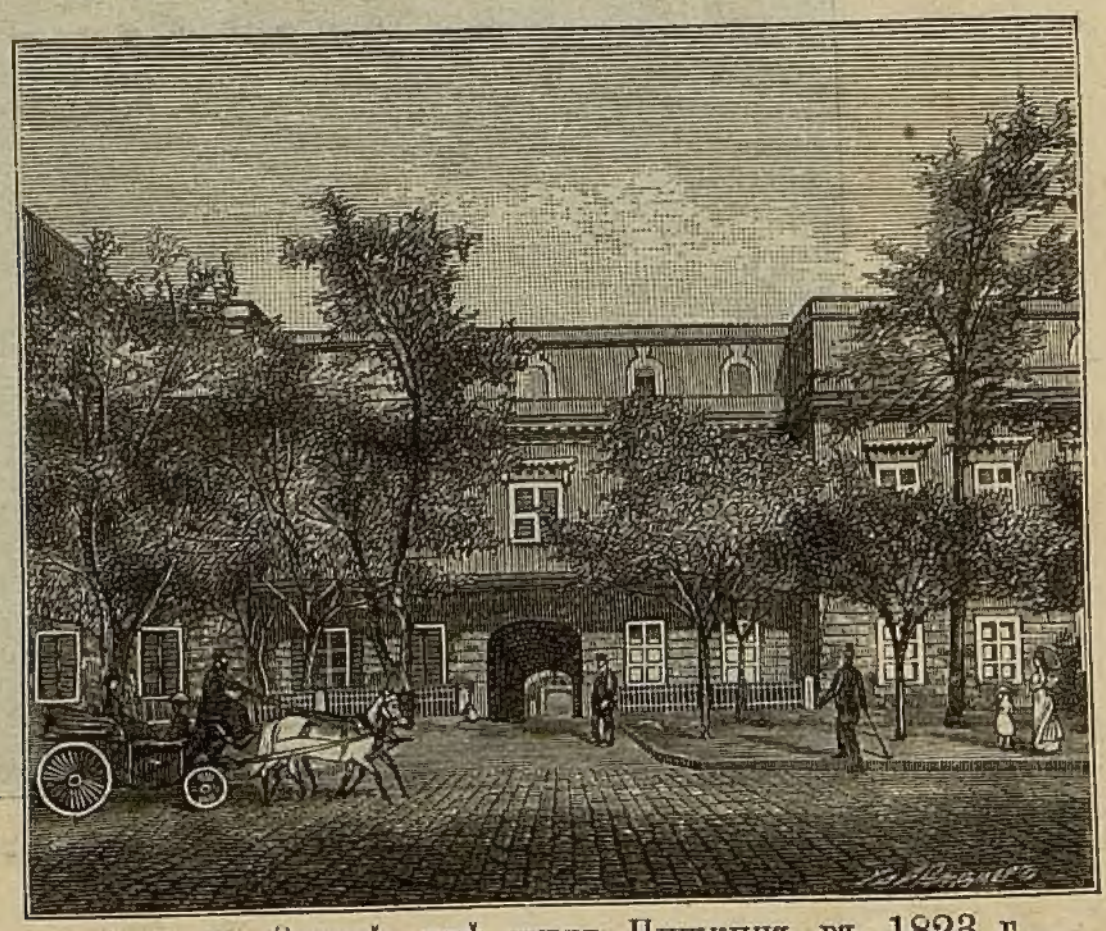
1838. грав. Уткинъ.

1839. грав. въ Англіи.

ДОМА, ВЪ КОТОРЫХЪ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.



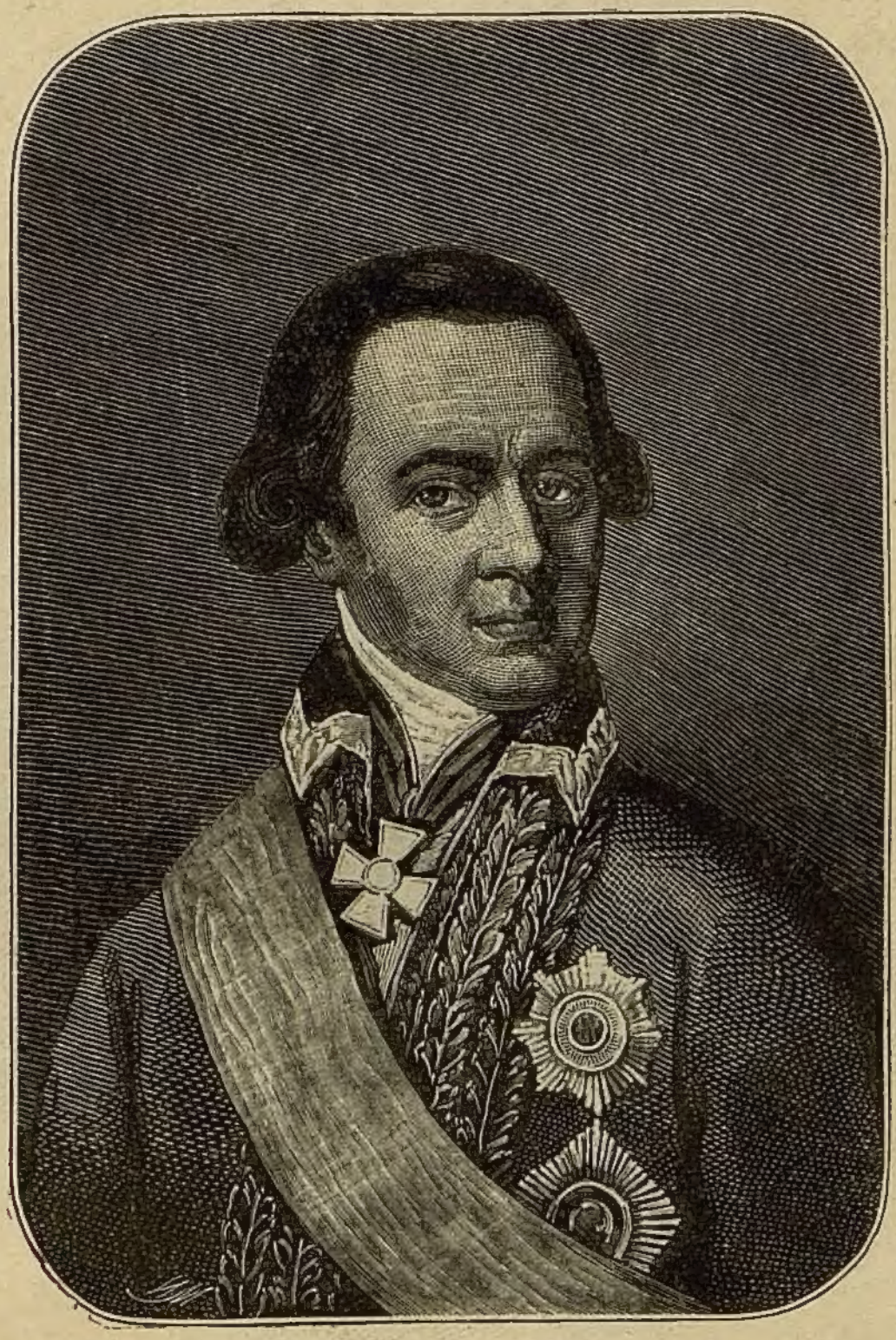
Домъ Инзова въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ.



Домъ въ Одессѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1823 г.

Пушкинъ—мальчикъ.

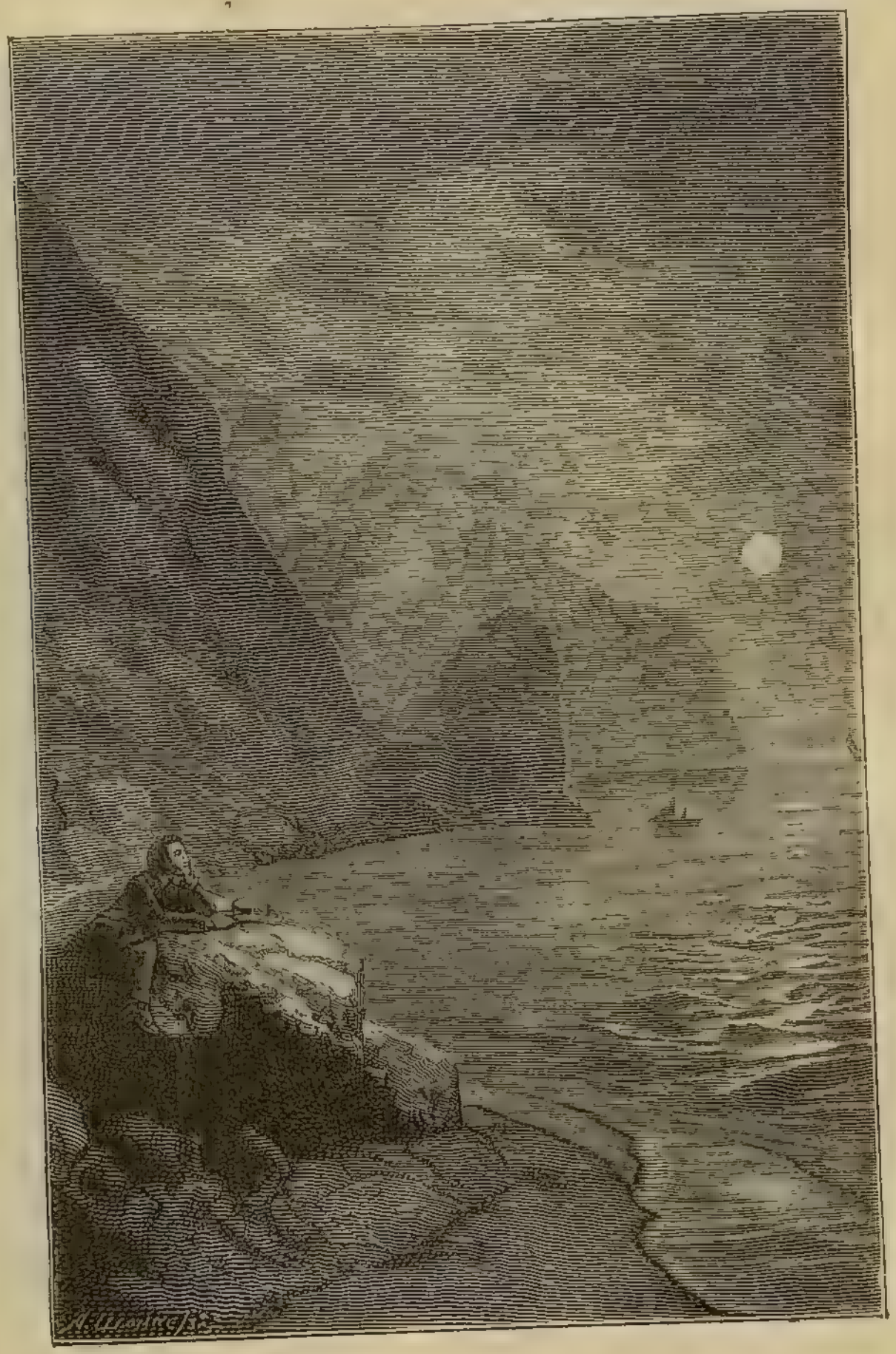
Пушкинъ—лицеистъ



А. П. Ганнибалъ – дѣдъ поэта со стороны матери.

С. Л. Пушкинъ — отецъ поэта.

Н. О. Пушкина—мать поэта.



Пушкинъ въ Гурзуфѣ. (По картинѣ Айвазовскаго).

Жена Пушкина (урожденная Гончарова).

Мѣсто дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Пушкинъ въ гробу.

Гипсовая маска, снятая съ лица Пушкина.

Могила Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. С. ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевскаго

Съ 15 портретами Пушкина и многими рисунками

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 перец.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами, и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *А Пушкина*. Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. РѢШЕТНИКОВА. Въ 2 томахъ. Съ портретомъ автора и статьей М. Протопопова. Цѣна 2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к и 1 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА. Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горянской. Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Бахтіарова. Цѣна 1 р

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ. Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ. А. Бахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к. —**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. — **Бахчисарайскій фонтанъ** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт.,ц. 3 к. — **Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к. — **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. — **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт.. ц. 4 к. — **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к — **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт.. ц. 2 к —**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.** Съ карт., ц. 2 к. —**Каменный гость** Съ 3 карт., ц. 3 к. —**Пиръ во время чумы.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц 3 к—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт. ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачев. бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт , ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт , ц. 10 к.—**Всѣ письма** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Ноября 1890 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Дѣтство Пушкина годы и проблески дарованія. 5

„ II. Лицейскіе годы Пушкина 13

„ III. Жизнь и дѣятельность Пушкина въ С.-Петербургѣ 23

„ IV. Пребываніе Пушкина на югѣ 33

„ V. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ 46

„ VI. Послѣдніе годы холостой жизни Пушкина . . . 56

„ VII. Послѣдніе годы жизни Пушкина 68

I.

Происхожденіе Пушкина; годы дѣтства и первые проблески дарованія.

1799—1811.

Со стороны отца А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ со временъ Іоанна Грознаго, причемъ съ наибольшимъ уваженіемъ относился поэтъ къ предку своему Григорію Гавриловичу Пушкину, служившему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ, съ титуломъ нижегородскаго намѣстника. Отъ него-то и произошелъ Пушкинъ по прямой линіи.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Ганнибала, прославленнаго поэтомъ «Арапа Петра Великаго». Но надо замѣтить, что, изъ тщеславія передъ столичною знатью, Пушкинъ слишкомъ разукрасилъ какъ происхожденіе, такъ и положеніе при дворѣ Петра своего чернаго предка. Пушкинъ рисуетъ его человѣкомъ въ своемъ родѣ знатнаго происхожденія изъ рода вліятельныхъ абиссинскихъ князей; свидѣтельствуетъ о томъ, что, взятый изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ аманатомъ, Ибрагимъ былъ препровожденъ къ Петру русскимъ посланникомъ; Петръ его самъ крестилъ, воспиталъ, сдѣлалъ потомъ любимымъ своимъ камердинеромъ и секретаремъ, послалъ за границу, гдѣ, не жалѣя денегъ на его содержаніе, доставилъ ему возможность блистать въ высшемъ парижскомъ обществѣ, а когда онъ вернулся въ Россію, государь выѣхалъ ему на встрѣчу за 28 верстъ. На самомъ-же дѣлѣ Ибрагимъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими арапченками, столь-же темнаго про-

исхожденія, какъ и онъ самъ, былъ выкраденъ изъ константинопольскаго гарема русскимъ посланникомъ и препровожденъ Петру, какъ любителю всякаго рода «курьезовъ» и «монстровъ», такъ какъ въ то время было въ большой модѣ у насъ содержать среди дворни всякаго рода инородцевъ: араповъ, калмыковъ, турчатъ и т. п. Онъ дѣйствительно былъ воспитанъ при дворѣ Петра и затѣмъ посланъ въ Парижъ, гдѣ записался во французскую инженерную школу, совершилъ походъ въ Испанію, но не только не имѣлъ возможности блистать въ высшемъ обществѣ, а во все время пребыванія за границей проживалъ въ крайней бѣдности. Изъ его писемъ видно, что, назначивъ ему на содержаніе всего двѣсти сорокъ франковъ въ годъ, Петръ часто совсѣмъ забывалъ о существованіи своего арапа и не всегда выплачивалъ аккуратно жалованье его. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Ибрагимъ постоянно жалуется на крайнюю бѣдность и проситъ «не учинить его отчаяннымъ» и и не дать «пропасть въ нищетѣ». Изъ Парижа его «выгоняли» въ Россію, «какъ собаку, безъ денегъ», по его выраженію, и онъ былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, что собирался идти пѣшкомъ, и «ежели не достанетъ жалованья, то милостыню будетъ просить дорогою». Возвратился онъ въ свитѣ князя В. Л. Долгорукова, который очень имъ тяготился и не хотѣлъ кормить дорогою, такъ что Ганнибалъ выражалъ опасеніе, «какъ бы ему съ голоду не умереть»...

Нраву онъ былъ жестокаго и крутого. Женившись насильно на дочери флотскаго капитана, грека Діопера и заподозривъ жену въ невѣрности, онъ ее безчеловѣчно пыталъ и истязалъ; потомъ, пользуясь связями, выхлопоталъ разводъ, заточилъ жену въ монастырь, а самъ женился на другой, дочери капитана, Христинѣ Шебергъ. Отъ этого брака родилось у него шестеро дѣтей: четыри сына и двѣ дочери. Изъ нихъ наиболѣе прославился сынъ Иванъ Абрамовичъ, какъ одинъ изъ участниковъ и героевъ Наваринской битвы и основатель Херсона, гдѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Совсѣмъ иныхъ свойствъ былъ другой сынъ Ибрагима, Осипъ. Служа въ артиллеріи, сначала сухопутной, потомъ морской, онъ отличался пылкимъ темпераментомъ и необузданнымъ нравомъ

и до такой степени былъ преданъ всякаго рода дикимъ увлеченіямъ и излишествамъ, что сдѣлался ужасомъ семьи, и отецъ долго не пускалъ его на глаза свои. Женившись затѣмъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, онъ скоро развелся съ нею, и въ Псковѣ, служа по выборамъ, сказавшись вдовцомъ, обвѣнчался, при живой женѣ, на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. Результатомъ этого двоеженства былъ уголовный процессъ, кончившійся тѣмъ, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюціей 1784 года развели со второю женою, утвердивши первый бракъ его, и сослали на службу въ Средиземное море, а затѣмъ онъ былъ сосланъ на жительство въ свое имѣніе, с. Михайловское, гдѣ и пребывалъ до своей смерти.

Отъ Марьи Алексѣевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа, Марья Алексѣевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала въ доставшемся ей отъ мужа сельцѣ Кобринѣ (Петерб. губерніи) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее въ свѣтъ въ самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положеніемъ и связями дяди ея и крестнаго отца, Ивана Абрамовича. Здѣсь молодая, красивая креолка, избалованная съ дѣтства лестью и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имѣла успѣхъ и между прочимъ плѣнила сердце блиставшаго въ свѣтскихъ кругахъ своимъ утонченнымъ французскимъ образованіемъ гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Братья Пушкины—Сергѣй и Василій Львовичи—представляли собою типы передовыхъ дворянъ того времени: писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и смѣло разсуждали о чемъ угодно съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдней прочитанной книжки и на лету подхваченнаго сужденія. Василій Львовичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ одинъ изъ арзамасцевъ, принятый въ это общество Жуковскимъ, и какъ авторъ сатиры «Опасный сосѣдъ». Въ теченіи 25 лѣтъ непрестанно вращался онъ въ литературныхъ кружкахъ и умеръ съ книжкою Беранже въ рукахъ. Сергѣй Львовичъ въ свою очередь постоянно гонялся за разными знаменитостями, русскими и иностранными. Домъ его въ Москвѣ

былъ посѣщаемъ членами того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина; въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчались самыя почтенныя имена того времени—Жуковскій, Тургеневъ, Дмитріевъ и проч. вмѣстѣ съ именами заѣзжихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ и т. п. Вращаясь вѣчно въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ и ведя разсѣянную и чисто праздничную жизнь, братья поражали современниковъ своей крайнею безпечностью. Это были бонвиваны эпохи регентства на подкладкѣ русской распущенности. Въ положеніе своихъ дѣлъ они не вникали, деревенскую жизнь ненавидѣли; домъ ихъ, по словамъ одного очевидца того времени, всегда былъ на изнанку: въ одной комнатѣ богатая, старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословною неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана. Имѣнія-же ихъ находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что когда для спасенія Болдина посланъ былъ туда дѣятельный управляющій, онъ бѣжалъ изъ имѣнія, при видѣ страшнаго разоренія крестьянъ, до котораго они были доведены безпечностью и передовыми стремленіями помѣщика.

Но какова бы ни была изнанка жизни братьевъ Пушкиныхъ, съ внѣшней стороны они были такъ блестящи, и Сергѣй Львовичъ такъ съумѣлъ плѣнить стараго наваринскаго героя, Ивана Абрамовича Ганнибала, что тотъ безъ долгихъ колебаній рѣшился отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвя: «онъ не очень богатъ, но образованъ».

Послѣ брака и рожденія первой дочери Ольги, Сергѣй Львовичъ, по заведенному тогда порядку, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на покой. Послѣ того, вплоть до нашествія французовъ, Пушкины жили попеременно то въ Москвѣ, то въ своей подмосковной деревнѣ, Захарьинѣ. И вотъ, въ 1799 году, 26 мая, въ четвергъ, въ день Вознесенія, въ Москвѣ, на Молчановкѣ родился у нихъ сынъ Александръ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не только не предста-

влялъ изъ себя чего либо замѣчательнаго, но напротивъ того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводилъ въ отчаяніе своихъ родителей, и они серьезно опасались даже за его умственныя способности. Заставить его бѣгать и играть со сверстниками можно было лишь насильно. Разъ на прогулкѣ онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется.—«Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой.

Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Маріѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и подолгу смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его.

Вслѣдствіе этого ему не пришлось быть любимымъ и балованнымъ сыномъ своей матери. Напротивъ того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтеніе старшей дочери Ольгѣ и младшему сыну Льву. Это обстоятельство однако-же имѣло впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на Пушкина. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ.

Единственными друзьями его ранняго дѣтства были бабушка Марья Алексѣевна и знаменитая, воспѣтая имъ впослѣдствіи, нянюшка Арина Родіоновна. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, бывалая, прошедшая сквозь огонь и воду послѣ разлуки съ своимъ мужемъ и отличавшаяся не только опытностью, но и здравымъ смысломъ. Нянюшка Арина Родіоновна, представлявшая изъ себя типъ старинныхъ, преданныхъ барскихъ слугъ, отказавшаяся отъ предложенной ей отпускной за себя и за своихъ родныхъ, поражала знаніемъ народной поэзіи: ей извѣстенъ былъ весь сказочный міръ, и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Такимъ

образомъ этимъ двумъ женщинамъ обязанъ былъ Пушкинъ наиболѣе поэтическими элементами своей музы: въ то время какъ Анна Родіоновна раскрывала передъ нимъ сокровища народнаго эпоса, Марья Алексѣевна увлекала его своими разсказами о старинѣ и о своихъ молодыхъ, полныхъ приключеніями, годахъ въ историческій міръ старыхъ дворянскихъ преданій и нравовъ 18-го столѣтія.

На седьмомъ году съ мальчикомъ произошелъ внезапный переворотъ: изъ вялаго и неповоротливаго онъ вдругъ сдѣлался развязнымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ. Няню и бабушку, успѣвшую выучить ребенка грамотѣ, смѣнили по общему обычаю того времени иностранные гувернеры и учителя. Кромѣ священника Бѣликова и еще другого, обучавшихъ закону Божію и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, всѣ остальные наставники были иностранцы: первымъ былъ французскій эмигрантъ графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; потомъ Руссо, хорошо писавшій французскіе стихи; далѣе Шадель и пр. Нѣмецкому языку, нелюбимому Пушкинымъ въ дѣтствѣ, учила г-жа Ложъ, англійскому—гувернантка миссъ Бели. Былъ еще учитель, нѣмецъ Шиллеръ, обучавшій и русскому языку. Ученіе шло довольно безпорядочно вслѣдствіе частой смѣны преподавателей и не всегда удачнаго выбора ихъ. Обладая счастливой памятью, Пушкинъ выучивалъ уроки лишь слушая, какъ отвѣчала ихъ его сестра; когда-же перваго спрашивали его, ему приходилось ограничиваться постыднымъ молчаніемъ. Кромѣ нѣмецкаго языка не долюбливалъ онъ и ариѳметику, надъ которою пролилъ не мало слезъ, — особенно не давалось ему дѣленіе. Зато французскій языкъ, при безпрерывномъ упражненіи и въ классахъ, и въ разговорахъ между собою, усвоенъ былъ отлично, и впослѣдствіи Пушкинъ владѣлъ имъ, какъ своимъ роднымъ. Знаменитый графъ Алексѣй Сенъ-При говорилъ, что слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любому французскому писателю. По итальянски Пушкинъ выучился также въ дѣтствѣ: отецъ его и дядя отлично знали этотъ языкъ.

Съ 9-го года начала развиваться въ Пушкинѣ страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва

Плутарха, потомъ Гомера въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, состоявшей изъ эротическихъ произведеній французскихъ писателей XVIII вѣка, а также Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизустъ. Напролетъ цѣлыя ночи проводилъ Пушкинъ за чтеніемъ всѣхъ книгъ, попадавшихся ему въ руки.

Къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе тѣхъ литературныхъ и политическихъ разговоровъ, которые непрестанно велись въ гостиной Сергѣя Львовича образованнѣйшими людьми того времени, причемъ дѣтямъ позволялось безпрепятственно присутствовать при этихъ разговорахъ, лишь-бы они не вмѣшивались въ рѣчи старшихъ. Наконецъ, въ домѣ устраивали домашніе спектакли и всякаго рода jeux d'ésprit, въ которыхъ участвовали и дѣти. Все это, вмѣстѣ взятое, сильно вліяло на умственныя способности воспріимчиваго и талантливаго ребенка и влекло къ очень раннему развитію ихъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что первые опыты въ стихотворствѣ появились у Пушкина очень рано, на 12-мъ году. Началось дѣло, по обыкновенію, съ подражаній. «Любимымъ упражненіемъ Пушкина, по словамъ сестры его, сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрою, которая въ этомъ случаѣ составляла публику и произносила свой судъ». Однажды какъ-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Онъ не обидѣлся и самъ на себя написалъ слѣдующую эпиграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

т. е. «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера». Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ шуточную поэму въ бас-

няхъ, содержаніе которой заключалось въ войнѣ между карлами и карлицами во ьремена Дагобера. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шаделю, жалуясь, что M. Alexandre за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шадель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ свое произведеніе въ печку. Макаровъ разсказываетъ стыдъ и замѣшательство Пушкина, когда въ домѣ графа Бутурлина, вслѣдствіе молвы о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на . Мальчикъ только успѣлъ сказать «\h, mon Dieu!» — и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку графа, гдѣ долго еще не могъ придти въ себя.

Къ этому ко всему слѣдуетъ замѣтить, что большинство первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина было написано имъ на французскомъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что въ эту пору дѣтства роднымъ языкомъ поэта, на которомъ онъ и думалъ, и писалъ, былъ французскій.

II.

Лицейскіе годы А. С. Пушкина.

1811—1817.

Въ то время какъ въ первые годы своей жизни Пушкинъ тревожилъ своихъ родителей своею вялостью и неподвижностью, въ послѣдующіе, наоборотъ, онъ привелъ ихъ къ опасеніямъ за его будущее неукротимою пылкостью страстнаго темперамента. Напрасно воспитатели, по большей части плохіе, старались обуздать эту вулканическую натуру; добиваясь одного наружнаго повиновенія и употребляя для этой цѣли пошлыя и рутинныя мѣры строгости, они не только не достигли никакихъ результатовъ, но встрѣтили въ мальчикѣ отчаянное сопротивленіе, ежеминутно разрушавшее всѣ ихъ усилія. Къ такому-же отпору приводили увѣщанія и требованія родителей, сопровождаемыя вспышками гнѣва и тщетными угрозами съ ихъ стороны. И вотъ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, у родителей составилось мнѣніе о сынѣ, какъ о натурѣ вполнѣ извращенной, какъ о выродкѣ, котораго ожидаетъ самая печальная будущность. Единственную надежду начали они питать на удаленіе его изъ родительскаго дома въ какое-либо закрытое заведеніе, гдѣ могли-бы обуздать его чужіе люди суровыми мѣрами строгости. Долго колебались они между двумя модными въ то время заведеніями: іезуитскимъ коллегіумомъ и частнымъ пансіономъ, устроеннымъ аббатомъ Николемъ и находившимся въ то время въ вѣдѣніи аббата Макара. Наконецъ порѣшили въ пользу іезуитскаго коллегіума и отправились уже въ Петербургъ хлопотать о поступленіи

сына туда, какъ вдругъ учрежденіе Царскосельскаго лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ лицея былъ назначенъ В. Ѳ. Малиновскій, съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ числѣ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять лицей.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ внутреннюю жизнь семьи Пушкиныхъ, юноша покидалъ родительскій домъ безъ малѣйшаго сожалѣнія; съ своей стороны и семья провожала его холодно, словно сваливая съ плечъ тяжелую обузу. Исключеніе составляла лишь сестра Пушкина, къ которой онъ былъ привязанъ, и лишь съ одной ею прощался онъ съ грустью.

Василій Львовичъ привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ приготовлялся къ экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкинъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ лицей; 19-же октября послѣдовало торжественное открытіе лицея и послѣ того начались лекціи.

На лицей, при его основаніи, возлагали большія надежды, предполагая сдѣлать его образцомъ высшихъ учебныхъ заведеній, поставить на одномъ уровнѣ съ наполеоновскими Lycées и англійскими Colleges. Лучшіе и самые передовые свѣтила науки и педагоги того времени были избраны преподавателями лицея, каковы А. П. Куницынъ, Л. П. Карцевъ, И. К. Кайдановъ, потомъ А. И. Галичъ и др.

Но быстрое охлажденіе къ дѣлу и распущенность, эти два неизмѣнныя качества, сопровождающія всѣ россійскія предпріятія, не замедлили сказаться и здѣсь. Послѣ смерти въ 1814 г. перваго директора лицея, В. Ѳ. Малиновскаго, лицей безъ малаго два года состоялъ подъ управленіемъ профессоровъ, которые поочередно вступали въ директорство, мѣшали другъ другу, безпрестанно ссорились между собою, и для обузданія ихъ оказалось нужнымъ помѣстить въ званіе сперва инспектора классовъ, а потомъ и директора, военнаго человѣка аракчеевской школы, отставного подполковника С. С.

Фролова, принявшагося за дѣло круто, чисто по фельдфебельски, но скоро уволеннаго и оставившаго послѣ себя массу шутовскихъ воспоминаній.

Весь этотъ періодъ, до назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта, Пушкинъ называетъ временемъ анархіи, а другіе его товарищи—междуцарствіемъ. Преподаватели въ свою очередь на второй-же годъ спустили рукава: Куницинъ началъ ограничиваться требованіемъ буквальной выучки своихъ тетрадей, и его упрекали вообще въ наклонности къ лѣнивому, апатическому существованію. Кошанскій, читавшій древніе языки и русскую словесность, въ первый годъ увлекалъ слушателей своими бесѣдами о великихъ образцахъ древности и тщательно поправлялъ учениковъ упражненія въ слогѣ, но на второй годъ запилъ и совсѣмъ бросилъ преподаваніе. Математикъ Карцевъ, будучи отъ природы юмористомъ и видя общее нерасположеніе къ математикѣ воспитанниковъ, занимался на урокахъ выслушиваніемъ лицейскихъ анекдотовъ и остроумною болтовнею. Добродушный и слабый Галичъ, замѣнившій Кошанскаго, до такой степени былъ осѣдланъ своими воспитанниками, что допускалъ устройство тайныхъ студенческихъ попоекъ въ отведенной ему въ лицеѣ аудиторіи.

При такихъ порядкахъ воспитанники были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Учебныя занятія не особенно обременяли ихъ, знанія, требуемыя по программѣ, достигались легко, а въ случаѣ недостатка ловко маскировались подставными вопросами и отвѣтами, выбранными съ общаго согласія учителей и учениковъ. У воспитанниковъ такимъ образомъ оставалась масса празднаго времени, въ которое они разгуливали свободно по всему лицею и царскосельскому саду, заводя любовныя интрижки съ горничными и крѣпостными актрисами домашняго театра графа Варв. Вас. Толстого. «Наташа», которой посвящено одно или два лицейскихъ стихотворенія Пушкина, принадлежала къ лицейскимъ пянюшкамъ; пьесы «Къ актрисѣ» и «Ты не наслѣдница Клеронъ» обращены къ крѣпостной актрисѣ. Отъ кутежей между собою въ стѣнахъ лицея воспитанники въ старшихъ классахъ перешли къ кутежамъ съ гвардейцами и вообще золотою молодежью, проживавшею лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ на

дачахъ. Изрѣдка они устраивали школьные бунты и протесты; такъ, они изгнали изъ заведенія инспектора, М. Ст. Пилецкаго-Урбановичъ, ожесточившаго воспитанниковъ своею религіозною навязчивостью, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и іезуитскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиной снисхожденія много жестокости и коварства.

Нужно-ли послѣ этого удивляться той малоуспѣшности, которую обнаружилъ Пушкинъ на экзаменахъ, и тому, что въ аттестатѣ его даже по русскому языку значится посредственная отмѣтка? Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такъ ужъ совсѣмъ ничѣмъ и не былъ обязанъ онъ лицею. Кое-что запало въ голову воспитанниковъ и отъ лекцій Куницина и Кошанскаго. Не мало вліянія оказали на нихъ, по свидѣтельству М. А. Корфа, бесѣды учителя французской словесности, де-Бужи, брата Марата; онъ весьма способствовалъ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, постоянно стараясь пріучать ихъ къ отчетливому представленію и изложенію того, что они слышали, видѣли и что возникло въ ихъ головѣ.—Но наиболѣе обязанъ былъ Пушкинъ лицею богатою библіотекою, пользованіе которою было предоставлено воспитанникамъ безъ малѣйшихъ ограниченій.

Имѣя массу свободнаго времени и предоставленный вполнѣ самому себѣ, съ жаромъ набросился Пушкинъ на книги лицейской библіотеки; дни и ночи читалъ онъ безъ отдыха, причемъ болѣе всего интересовали его книги по исторіи и французской словесности. Напрасно Дельвигъ старался пріохотить его къ изученію нѣмецкой литературы; Пушкинъ покинулъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Товарищи относились къ Пушкину сначала нѣсколько непріязненно, видя его умственное превосходство надъ ними и замѣчая, что онъ многое прочелъ, о чемъ они и не слыхали, и все, что читалъ, помнилъ. Они прозвали его французомъ за отличное знаніе французскаго языка, что очень оскорбляло юношу въ эпоху войны 1812 года, при всеобщей ненависти ко всему французскому. Не мало въ первое время отталкивало отъ него расположеніе его къ насмѣшкамъ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго от-

чаянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце Пушкина и скромность, заставлявшая его не только не кичиться и не важничать передъ товарищами—своими знаніями и талантами, но, напротивъ того, показывать, что все научное онъ не считаетъ ни во что и мастеръ только бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ и проч. При такихъ качествахъ характера, Пушкинъ скоро побѣдилъ непріязнь къ себѣ товарищей и сдѣлался, напротивъ того, душою класса, а затѣмъ коноводомъ литературнаго кружка. Этотъ литературный кружокъ образовался едва-ли не тотчасъ по открытіи лицея; участниками въ немъ были Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. Кюхельбекеръ, М. Л. Яковлевъ. Литературныя занятія кружка заключались во-первыхъ—въ изданіи рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ члены помѣщали свои произведенія, а во-вторыхъ—въ особенной литературной игрѣ. Составивъ одинъ общій кругъ, товарищи обязывали каждаго разсказать повѣсть или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разсказчикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, и развивалъ далѣе; третій въ свою очередь продолжалъ ее, и т. д., пока повѣсть не приходила къ окончанію. Дельвигъ первенствовалъ на этой гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ расплохъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать наскоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Разъ онъ изложилъ восхищеннымъ слушателямъ исторію 12 спящихъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Тогда-же, въ грубыхъ конечно чертахъ, онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: Метель и Выстрѣлъ, которыя впослѣдствіи явились въ «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ игръ и занятій кружка, Пушкинъ очень скоро перешелъ отъ французскихъ стиховъ къ русскимъ и на первыхъ порахъ наиболѣе прославился между товарищами своими колкими и мѣткими эпиграммами. Н. Ѳ. Кошанскій очень строго отнесся къ первымъ опытамъ своего ученика, старался отвратить его отъ попытокъ сочинительства и

только позднѣе, убѣдившись въ его талантѣ, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей словесности и классическими произведеніями древности; но это продолжалось недолго и кончилось съ несчастною болѣзнью наставника, о которой мы выше говорили.

Первые опыты Пушкина, извѣстные подъ именемъ «лицейскихъ стихотвореній», носятъ на себѣ вліяніе всѣхъ тѣхъ писателей, которыми увлекался Пушкинъ въ своемъ отрочествѣ. Изъ русскихъ писателей это были Карамзинъ, Жуковскій и въ особенности Батюшковъ. Послѣдній производилъ на Пушкина самое сильное впечатлѣніе и былъ главнымъ учителемъ его въ отношеніи пластичности формъ и той тонкой, граціозной, чисто классической гармоніи между формой и содержаніемъ, какою наиболѣе отличался авторъ «Умирающаго Тасса». Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Что-же касается содержанія лицейскихъ стихотвореній, то въ этомъ отношеніи Пушкинъ подчинялся вліянію той школы французскихъ анакреонтическихъ писателей, на которой онъ былъ воспитанъ въ родительскомъ домѣ, каковы—Шенье, Шапель, Берни, Грессе, Грекуръ, Парни. Этимъ вліяніемъ обусловливается и тотъ веселый и нѣсколько легкомысленный взглядъ на жизнь, и то обиліе эротическаго и вакхическаго элементовъ, какое мы встрѣчаемъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Но какъ бы ни были расположены смотрѣть отрицательно на всѣ подобныя бездѣлки люди, требующіе отъ поэзіи серьезнаго содержанія, нельзя отрицать и нѣкоторой доли благотворнаго вліянія, какое оказали вышеупомянутые писатели на характеръ поэзіи Пушкина: они сразу поставили ее на реальную почву изображенія земныхъ, опредѣленныхъ, всѣми ощущаемыхъ и каждому знакомыхъ радостей и печалей. Это одно составляло большой шагъ впередъ отъ господствовавшаго въ то время въ нашей литературѣ мистическаго романтизма съ его скорбными томленіями—неизвѣстно о чемъ, и порываніями—неизвѣстно куда.

Первое стихотвореніе Пушкина, вышедшее въ свѣтъ, было посланіе къ Другу Стихотворцу, напечатанное въ № 13

«Вѣстника Европы» съ подписью: Александръ Н. К. ш. и. Затѣмъ, въ томъ-же году, появились въ томъ-же «В. Евр.» издававшемся Вл. В. Измайловымъ: Кольна, Венерѣ отъ Лаисы, Опытность и Блаженство. Но наиболѣе памятный для Пушкина годъ былъ 1815-й. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его. Въ этомъ году подъ стихами Пушкина уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили.

Въ январѣ 1815 года, 4-го и 8-го, въ первый разъ происходило въ лицеѣ торжественное публичное испытаніе, на которое нарочно пріѣхали изъ Петербурга многіе важные государственные люди и ревнители просвѣщенія; между прочимъ присутствовалъ и Державинъ. Вотъ какъ вспоминаетъ Пушкинъ объ этомъ, глубоко врѣзавшемся въ его память, экзаменѣ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмыслено, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его—гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли»...

Послѣ этого слухи о появленіи необыкновеннаго таланта не замедлили распространиться по Петербургу. Всѣ дивились. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о Пушкинѣ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую славу его. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ-же, замѣтилъ между прочимъ: «Я бы желалъ однако-жъ образовать сына вашего къ прозѣ».—«Оставьте его поэтомъ»—возразилъ съ жаромъ Державинъ.

*

Столь льстивые отзывы, понятно, помирили родителей съ ихъ блуднымъ сыномъ. Въ то же время Пушкинъ тогда-же сблизился уже съ первоклассными писателями того времени, Жуковскимъ, Карамзинымъ и Батюшковымъ. Жуковскій, бывши въ Москвѣ, получилъ отъ Василія Льв. стихи Пушкина «Воспоминанія въ Ц. С.», отправился къ друзьямъ своимъ и тамъ, читая ихъ вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и восклицалъ: «вотъ у насъ настоящій поэтъ!»—Лѣтомъ 1815 года, посѣщая часто Царское село и читая императрицѣ стихи свои, Жуковскій сблизился съ Пушкинымъ и полюбилъ его, какъ родного. Это было время самой громкой славы Жуковскаго. Три изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» раскупились въ одинъ годъ; «Посланіе къ Имп. Александру» было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковскаго на рукахъ. Вдовствующая императрица, Марья Ѳедоровна, весьма благоволила къ нему. И можете себѣ представить, что этотъ 32-лѣтній поэтъ, дожившій до полнаго развитія своего таланта и апогея своей славы, до такой степени сразу былъ увлеченъ геніемъ Пушкина, что ему, 15-лѣтнему мальчику, сидѣвшему на школьной скамейкѣ, нарочно читалъ свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, то Жуковскій считалъ такіе стихи слабыми и уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. Въ то-же время съ нѣжнымъ отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ впослѣдствіи называлъ его своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Къ тому-же времени относится и сближеніе Пушкина съ Карамзинымъ. Карамзинъ и прежде уже, будучи знакомъ съ Сергѣемъ Льв. и бывая у нихъ въ домѣ, мелькомъ видѣлъ талантливаго юношу. Въ февралѣ 1816 года онъ привезъ въ Петербургъ къ печати восемь томовъ «Исторіи Госуд. Россійскаго» и читалъ друзьямъ своимъ посвященіе, которымъ начинается первый томъ исторіи. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, запомнилъ все и, пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицей-

скомъ кружкѣ гораздо прежде, чѣмъ было напечатано. Уже тогда Карамзинъ познакомился съ Пушкинымъ ближе и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніями и участіемъ. Но наибольшее сближеніе послѣдовало лѣтомъ въ 1816 году, когда Карамзинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, Карамзинъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Госуд. Рос. изъ устъ самого исторіографа; Пушкинъ горячо полюбилъ Карамзина и все его семейство и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ, предостерегалъ, удерживалъ, берегъ его и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Къ этому-же періоду относится знакомство и сближеніе Пушкина съ другими передовыми силами русской литературы того времени, каковы — И. И. Дмитріевъ и Батюшковъ. Съ Дмитріевымъ онъ познакомился черезъ Карамзина: Батюшковъ былъ старый другъ Сергѣя Льв. Наконецъ тогда-же сблизился съ Пушкинымъ и А. И. Тургеневъ, который до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался.

Ранніе и быстрые литературные успѣхи побудили Пушкина еще съ бо́льшимъ рвеніемъ и страстностью приняться за развитіе своего поэтическаго таланта. Отбывая кое-какъ школьную науку, неглижируя и лѣнясь, въ то-же время дни и ночи просиживалъ юноша въ своей коморкѣ подъ № 14, бесѣдуя съ музами. Довольно сказать, что въ стѣнахъ лицея онъ успѣлъ написать около ста двадцати стихотвореній и тутъ-же задумалъ и началъ писать первую свою поэму «Русланъ и Людмила».—Но такъ велика была скромность молодого поэта, что и тогда весьма немногія изъ своихъ стихотвореній онъ рѣшался посылать въ печать, причемъ сердился и выходилъ изъ себя, когда нѣкоторыя стихотворенія были печатаемы друзьями, помимо его вѣдома. Даже и впослѣдствіи, выпустивши въ 1826 году первое изданіе своихъ произведеній, Пушкинъ изъ 120 лицейскихъ стихотвореній своихъ удостоилъ печати лишь 23 пьесы.

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ лицеѣ выпускные экзамены и тянулись 15 дней при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что̀ дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ. На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай стихотвореніе «Безвѣріе», но отвѣчалъ плохо и былъ выпущенъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

III.

Жизнь и дѣятельность А. С. Пушкина въ С.-Петербургѣ.

1818—1830.

Передъ выходомъ изъ лицея, Пушкинъ мечталъ о военной службѣ. Незадолго передъ тѣмъ появившійся Высочайшій указъ предоставлялъ лицеистамъ право опредѣляться прямо въ гвардію офицерами, и 12 товарищей Пушкина тотчасъ-же избрали военное поприще. Жизнь военная и молодому поэту представлялась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ нею въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. Къ тому-же, повидимому, онъ имѣлъ всѣ данныя для нея: физическая организація его, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился, какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть-ли не первымъ учепикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Пушкину хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары, и одинъ знакомый генералъ обѣщалъ ему содѣйствіе, но не удалось молодому поэту носить военнаго мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило всѣ его планы. Сергѣй Львовичъ наотрѣзъ объявилъ, что не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку, и позволилъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи; но Пушкинъ не захотѣлъ этого и черезъ 4 дня по выходѣ изъ лицея записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что

вполнѣ соотвѣтствовало его склонностямъ: служба эта, будучи поминальною, предоставляла ему много досуга.

По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ снова вернулся подъ родительскій кровъ. Родители его жили теперь уже въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжали въ Псковскую губернію, въ родовое свое село Михайловское. Сюда и пріѣхалъ Пушкинъ съ родными тотчасъ по выпускѣ изъ лицея. «Вышедъ изъ лицея, говоритъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ, и пр., но все это правилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Эта страсть къ городской жизни и къ толпѣ очевидно была унаслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ родителей и особенно отъ отца. Сергѣю Львовичу обязанъ онъ былъ и своимъ тщеславіемъ, страстью тянуться во что-бы то ни стало въ высшее свѣтское общество. Страсть эта, сгубившая его впослѣдствіи, не замедлила обнаружиться при первыхъ-же шагахъ его въ жизни.

Казалось-бы, что и по умственнымъ склонностямъ Пушкина, и по средствамъ родителей онъ долженъ былъ вращаться преимущественно въ литературной средѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой средѣ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ принятъ съ участіемъ, лаской и любовью первыми литературными свѣтилами того времени. Съ перваго шага въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи начинающаго. Едва вышелъ онъ изъ лицея, какъ уже осенью 1817 года онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества Арзамасъ, вокругъ котораго группировались всѣ молодые писатели новаго романтическаго направленія, ратовавшіе противъ устарѣлыхъ классиковъ, которые въ свою очередь группировались вокругъ московскаго общества «Бесѣды любителей русскаго слова» и «Вѣстника Европы» Каченовскаго. По обычаю арзамасскаго общества всѣмъ членамъ давать особенныя шутливыя прозвища, Пушкина назвали сверчкомъ, потому что, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ

отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ». Новый членъ Арзамаса произносилъ обыкновенно шуточное похвальное слово какому-либо члену враждебной «Бесѣды любителей русскаго слова». Неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Пушкинъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать рѣчь свою александрійскими стихами, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Къ несчастью Пушкина, Арзамасъ скоро разсѣялся. Собраніе, въ которомъ Пушкинъ произнесъ свою рѣчь, было послѣднимъ, такъ какъ члены Арзамаса отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Но кромѣ Арзамаса въ Петербургѣ было нѣсколько другихъ литературныхъ обществъ, кружковъ и салоновъ (Общ. любит. словесности, наукъ и художествъ, Общ. соревнователей просвѣщенія и благотворенія, кружокъ А. Н. Оленина, вечера В. А. Жуковскаго), и хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ внимательно за ихъ занятіями. На вечерахъ Жуковскаго читалъ онъ пѣсни «Руслана и Людмилы», подвергая ихъ передѣлкамъ подъ вліяніемъ суждсній и приговоровъ друзей. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней пѣсни Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный подписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Батюшковъ-же, прочтя посланіе Пушкина къ Ѳ. Ф. Юрьеву, сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги съ этимъ посланіемъ и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

Къ этому-же времени относится знакомство Пушкина съ П. А. Катенинымъ, этой благороднѣйшей и замѣчательной личностью того времени. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году въ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей—но выучи!»—Ученаго учить—портить! отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи не прерывались, и Катенинъ оказывалъ большое вліяніе на Пушкина, какъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ. Пушкинъ именно Катенину былъ обязанъ осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, умѣньемъ находить свои достоинства въ писателяхъ различныхъ школъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у

насъ по поводу классицизма и романтизма. Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ, приверженцемъ классицизма, и съ актрисой А. М. Колосовой, дебюты которой Пушкинъ встрѣтилъ злой эпиграммой.

Но, къ сожалѣнію, Пушкинъ только мелькомъ бывалъ въ литературныхъ кружкахъ и видался со своими друзьями и сотоварищами по перу. Болѣе-же всего его тянуло въ высшій свѣтъ, гдѣ онъ считалъ неприличнымъ носить званіе литератора и всячески старался, чтобы забыли о томъ, что онъ пишетъ стихи. Связи отца и служба по министерству иностранныхъ дѣлъ открыли Пушкину входъ въ лучшіе дома большого свѣта, каковы были гр. Бутурлиныхъ и Воронцовыхъ, кн. Трубецкихъ, гр. Лаваль, Сушковыхъ и пр. Здѣсь Пушкинъ на первыхъ порахъ съ пылкою страстностью увлекся балами и всѣми великосвѣтскими развлеченіями, но большой свѣтъ скоро наскучилъ ему, и онъ кинулся въ вихрь полусвѣта. Страсть къ обществамъ, явнымъ и тайнымъ, различныхъ наименованій, была такъ сильна въ то время, что безпрестанно возникали общества не только литературныя, масонскія, политическія, но эротическія и вакхическія. Таково было между прочимъ общество «Зеленой лампы», основанное Н. В. Всеволожскимъ и у него собиравшееся. Это было оргическое общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, гибель Содома и Гоморры, устраиваемыхъ имъ на своихъ засѣданіяхъ, пародировало между прочимъ собранія съ парламентскими и масонскими формами, но было посвящено исключительно обсужденію плановъ волокитства, закулисныхъ проказъ и всякаго рода отчаянныхъ шалостей, иногда крайне скандальныхъ, рискованныхъ и опасныхъ; сюда-же входили и кутежи съ богатырскими пари относительно количества выпитыхъ напитковъ и безпрестанныя дуэли изъ за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, вродѣ какой нибудь случайной театральной ссоры.

Пушкинъ присоединился именно къ этому обществу великосвѣтскихъ безобразниковъ, и какъ велики были излишества, которымъ онъ предавался въ это время, можно судить по тому, что втеченіи трехъ лѣтъ онъ два раза лежалъ на краю гроба,

въ горячкѣ, именно вслѣдствіе постоянныхъ возбужденій организма, не выдерживавшаго подобнаго богатырскаго разгула. При этомъ нужно принять во вниманіе, что кутежи съ золотою молодежью были не только не по физическимъ силамъ Пушкина, но и не по карману его, и онъ очень нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему; 700 р., получаемые имъ на службѣ, были капля въ морѣ для великосвѣтскихъ кутежей, отецъ-же Пушкина не особенно раскошеливался для молодого повѣсы и выводилъ его изъ себя своею скупостью. Такъ, одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ поэту приходилось упрашивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками; Сергѣй же-Львовичъ предлагалъ ему свои старые, павловскихъ временъ. «Мнѣ больно видѣть, говоритъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ брату, равнодушіе отца моего къ моему состоянію. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ, которыхъ, вѣрно-бы, ни ты, ни я не пожалѣлъ для слуги». Если-же и попадала въ карманъ Пушкина лишняя копѣйка, онъ тотчасъ-же ставилъ ее ребромъ съ геніальнымъ безразсудствомъ. Такъ, однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и отецъ его. Погода стояла тихая, и вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ.

И не смотря на то, что скудность денежныхъ средствъ ставила его безпрестанно въ двусмысленныя и неловкія положенія, сильно тревожившія и огорчавшія его, онъ все-таки продолжалъ тянуться къ знати. «Пушкинъ,—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ друзей его—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра, около знати, которая съ покровительственной улыбкой выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ—ни въ одномъ изъ

нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами».

Надо удивляться, какъ среди этой разсѣянной жизни, исполненной безпрерывныхъ оргій, у Пушкина хватало времени на литературныя работы. Между тѣмъ, оставшіяся послѣ него тетради свидѣтельствуютъ объ упорномъ, усидчивомъ трудѣ, который онъ положилъ на обработку «Руслана и Людмилы», трудѣ не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ задуманная еще на скамьяхъ лицея поэма вышла въ свѣтъ въ 1820 г. Появленіе «Руслана и Людмилы» произвело сильную сенсацію и въ литературѣ, и въ обществѣ, равносильную внезапному пушечному выстрѣлу среди мертвой тишины или яркому лучу свѣта, блеснувшему среди непроницаемаго мрака. Поэма шла совершенно въ разрѣзъ съ установившимися литературными пріемами и не была похожа ни на что, существовавшее въ литературныхъ кружкахъ того времени. Тутъ и тѣни не было ни того высокопарнаго, чопорнаго тона, съ какимъ передавались сюжеты народнаго эпоса классиками, ни плаксиваго сентиментализма и туманной мечтательности романтиковъ: бездна остроумія, шутливое отношеніе къ сказочному міру, живой и здравый реализмъ, проглядывающій сквозь чудеса, и свободное, простое теченіе разсказа при безпрестанныхъ отступленіяхъ и неожиданныхъ обращеніяхъ къ постороннимъ предметамъ—все это производило впечатлѣніе неслыханной новизны и въ то-же время подкупало своею поэтическою обаятельностью. И между тѣмъ какъ публика на-расхватъ покупала поэму, читала и перечитывала ее до заученія наизустъ, въ журнальномъ мірѣ занялся цѣлый сыръ-боръ изъ за нея. Затихавшіе въ послѣднее время споры между классиками и романтиками вспыхнули съ новою силою. И между тѣмъ какъ романтики до небесъ расхваливали поэму, приписывая ей рядъ знаменитыхъ предковъ и у себя, и на сторонѣ, сравнивая ее съ «Душенькой» Богдановича и съ «Обероном» Вилланда, и съ «Неистовымъ Орландомъ» Аріоста, классики на страницахъ «Вѣстника Европы» обрушились на нее съ ожесточеніемъ и ужасомъ. «Об-

ратите вниманіе, писалъ критикъ «В. Евр.», на новый ужасный предметъ, возникающій среди океана россійской словесности.... Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова... Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подраженіе Еруслану Лазаревичу». Критикъ допускаетъ еще собираніе русскихъ сказокъ, какъ собираютъ и безобразныя старыя монеты, но уваженія къ нимъ не понимаетъ. Выписавъ сцену Руслана съ головой, критикъ восклицаетъ: «Но увольте меня относительно описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагая невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» неужели-бы стали такимъ проказникомъ любоваться?... зачѣмъ допускать, чтобы классическія шутки старины снова появлялись между нами». (В. Евр. 1820 г. № XI).

Но въ то время, какъ поэма «Русланъ и Людмила» произвела такой шумъ въ литературномъ обществѣ, автора ея уже не было въ Петербургѣ, и очень можетъ быть, что успѣху поэмы на половину содѣйствовало именно это обстоятельство. Дѣло въ томъ, что, крайне чуткій ко всему, что окружало его въ жизни того времени, Пушкинъ не могъ оставаться глухимъ къ тому броженію, которымъ было преисполнено наше высшее общество послѣ войны 1812 года. Не съ одними повѣсами и кутилами сталкивался Пушкинъ въ большомъ свѣтѣ и въ гвардейскихъ кружкахъ. Рядомъ съ такими забубенными людьми, какъ бр. Всеволожскіе или Якубовичъ, Пушкинъ былъ близокъ и съ личностями совсѣмъ иного рода, каковы были Катенинъ, Н. И. Тургеневъ, Чаадаевъ, Раевскій, Пущинъ и затѣмъ масса людей, горячо увлекавшихся общественными вопросами своего времени. Онъ былъ охваченъ сѣтью политическихъ кружковъ и тайныхъ обществъ, которые не принимали его въ свои нѣдра, считая слишкомъ легкомысленнымъ и суетнымъ, но въ то же время вліяли на его образъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали въ немъ желаніе проникнуть въ эти кружки и сдѣлаться членомъ ихъ. И вотъ, оскорбленный этимъ непризнаніемъ, Пушкинъ вздумалъ составить себѣ самостоятельно видное положеніе между ними и разразился массою политическихъ памфлетовъ

и эпиграммъ, которые быстро расходились среди публики, увеличивали его популярность, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали положеніе поэта съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опаснымъ. Распространившіеся въ обществѣ слухи объ арестѣ и наказаніи его въ тайной канцеляріи еще болѣе подлили масла. «Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 г., говоритъ онъ въ своей позднѣйшей запискѣ: —нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Раснесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить-ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ-бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было; я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести...»

Результатомъ всего этого было то, что въ одинъ прекрасный день Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, гр. Милорадовичу. «Когда привезли Пушкина, говоритъ И. И. Пущинъ, гр. Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: «Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь-же все вамъ напишу». Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: «Ah! c'est chevaleresque» и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого Пушкина отпу-

стили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія». Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ убійства герцога Беррійскаго, онъ въ театрѣ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ. Жалобы на него дошли наконецъ до царя. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали сослать Пушкина въ Соловецкій монастырь. Но государь отвергъ эту строгую мѣру, и такъ какъ Пушкинъ былъ лицеистъ, то онъ обратился за совѣтомъ къ Энгельгардту. Встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройтись съ собою.

— «Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему: Пушкина надо сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизустъ ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла». Энгельгардтъ отвѣчалъ на это:—«Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ—теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его».

Между тѣмъ Пушкинъ бросился къ Карамзину, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушавъ дружескіе упреки и наставленія. «Можете-ли вы, сказалъ Карамзинъ, покрайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что впродолженіи года ничего не напишете противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ ему слово и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ онъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихотвореніе «Кинжалъ». И. Я. Чаадаевъ въ свою очередь былъ у Карамзина и упрашивалъ его съѣздить къ императрицѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, гр. Каподистріи. Но заступничество Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ былъ, собственно говоря, не сосланъ, а лишь переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состояв-

шій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Наскоро собрался онъ въ дорогу, не успѣвъ даже какъ должно проститься со своими пріятелями; до Царскаго Села проводили его два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка пожилыхъ лѣтъ, Никиту; и вотъ 5-го мая 1820 г. Пушкинъ оставилъ Петербургъ.

IV.

Пребываніе А. С. Пушкина на югѣ.

1820—1824.

Пушкинъ оставилъ Петербургъ безъ особеннаго упынія. Съ одной стороны, его, какъ 20-ти лѣтняго юношу, увлекало интересное положеніе страдальца за идею, а съ другой—онъ былъ увѣренъ, что изгнаніе его продолжится недолго. Въ красной рубашкѣ съ опоясною, въ поярковой шляпѣ, скакалъ онъ въ страшную жару на перекладныхъ по такъ-называемому бѣлорусскому тракту (на Могилевъ и Кіевъ). Въ половинѣ мая онъ пріѣхалъ въ Екатеринославль и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, Инзову. Не успѣлъ онъ еще оглядѣться въ своей новой обстановкѣ, какъ занемогъ: онъ простудился, купаясь въ Днѣпрѣ, и схватилъ сильную лихорадку. Положеніе его было очень незавидное. Въ полномъ одиночествѣ онъ лежалъ въ скверной избенкѣ на досчатомъ диванчикѣ, небритый, блѣдный, худой. Въ такомъ видѣ застали его петербургскіе знакомые, Раевскіе, проѣзжавшіе черезъ Екатеринославль на Кавказъ. Николай Николаевичъ Раевскій, ветеранъ 12-го года, командовавшій въ то время 4-мъ корпусомъ первой арміи, по просьбѣ сына своего, принялъ большое участіе въ положеніи больного поэта и рѣшился взять его съ собою на Кавказъ. Инзовъ не сталъ этому препятствовать и уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославлѣ всего двѣ недѣли, и отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екате-

риносла́вской тюрьмы, спаслись въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. Это пропсшествіе послужило впослѣдствіи темою для извѣстной поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго врача Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его—Марія и Софья, гувернантка ихъ—миссъ Маттенъ и компаньонка. Нужно-ли говорить о томъ, что эта поѣздка на Кавказъ весьма живительно повліяла и на тѣло, и на духъ поэта. Онъ выздоровѣлъ отъ своей болѣзни и въ то же время кавказская природа сильно подѣйствовала на его воображеніе и дала могучій толчекъ его творчеству. Уже во время этой поѣздки была задумана Пушкинымъ поэма «Кавказскій плѣнникъ» подъ живыми впечатлѣніями кавказскаго края. «Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ—разсказываетъ Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ брату, писанному вскорѣ послѣ возвращенія оттуда,—воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ я купался и въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными, радужными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной, Змѣиной...» Но поѣздка на Кавказъ ограничилась минеральными водами: вообще, въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ тотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанье и отправились на южный берегъ Крыма, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось остальное семейство Раевскаго. Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили въ Пушкинѣ лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами—изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. Здѣсь, въ прелестную южную ночь, расхаживая по палубѣ, Пушкинъ создалъ свою элегію «Погасло дневное свѣтило».

Въ Юрзуфѣ, очаровательнѣйшемъ уголкѣ южнаго крым-

скаго берега, вся семья Раевскаго была въ сборѣ. Здѣсь впервые Пушкинъ увидѣлъ и познакомился съ двумя старшими дочерьми Раевскаго, Катериною Николаевною, поражавшею своимъ твердымъ характеромъ и развитымъ, чисто мужскимъ умомъ, и съ Еленою Николаевною, 16-лѣтнею дѣвушкою, высокою, стройною, съ прекрасными голубыми глазами. Нѣсколько ранѣе, во время поѣздки на Кавказъ, онъ сошелся со старшимъ сыномъ Раевскаго, Александромъ, весьма образованнымъ и умнымъ, и очень увлекался этимъ человѣкомъ. Вообще, онъ очень близко и тѣсно сошелся съ семействомъ Раевскаго, въ которомъ всѣ его полюбили, и въ письмахъ своихъ онъ вспоминаетъ о жизни въ Юрзуфѣ не иначе, какъ съ восторгомъ. «Старшій сынъ его (Раевскаго), пишетъ Пушкинъ своему брату: будетъ болѣе чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не насладишься; счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго»... «Въ Юрзуфѣ, пишетъ Пушкинъ Дельвигу, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы». Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ относится и тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина этого періода и преслѣдуетъ его впродолженіи трехъ лѣтъ до самой Одессы, и тамъ только смѣняется другимъ.

Но не одни только наслажденія природою и влюбчивость занимали Пушкина въ это время. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Въ то-же время, подъ руководствомъ молодыхъ Раевскихъ, онъ практиковался въ англійскомъ языкѣ, и эта практика состояла въ чтеніи Байрона.

*

Знакомство съ британскимъ поэтомъ, бывшимъ въ то время властителемъ думъ и сердецъ во всей Европѣ, произвело могучее вліяніе на Пушкина, и не только на его поэтическое творчество, но и на весь образъ жизни и мыслей. Тотъ оппозиціонный задоръ, который повлекъ за собою высылку Пушкина и который до сихъ поръ скорѣе имѣлъ характеръ молодого буйства, чѣмъ какую либо серьезную идейную подкладку, теперь окрашивается въ цвѣтъ моднаго байронизма. Байронизмъ этотъ на русской почвѣ сразу получилъ совершенно особенный характеръ. Политическая сторона байронизма стояла здѣсь на послѣднемъ планѣ; на первомъ-же было гордое и презрительное отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ обычаевъ, приличій и предразсудковъ и стремленіе къ необузданной свободѣ личности въ проявленіи глубокихъ, сильныхъ и демоническихъ страстей. Поѣздка изъ Юрзуфа въ Каменку, имѣніе Раевскихъ-Давыдовыхъ въ Кіевской губерніи, гдѣ Пушкинъ нашелъ цѣлый кружокъ людей, проникнутыхъ байронизмомъ (А. Раевскій, В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо), довершила развитіе въ немъ байроповскаго духа. Каменка подчинила себѣ Пушкина тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и людямъ. Ни передъ кѣмъ такъ не старался Пушкинъ блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженій и сужденій, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что Каменка постоянно носилась передъ его глазами и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроновскаго настроенія.

Между тѣмъ какъ Пушкинъ путешествовалъ, во внѣшнемъ положеніи его произошла новая перемѣна. Вслѣдствіе болѣзни и отпуска намѣстника Бессарабской области А. Н. Бахметева, должность его была возложена временно на Инзова, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Такимъ образомъ Пушкину пришлось прибыть изъ Каменки въ Кишиневъ, гдѣ онъ и поселился въ домѣ самого Инзова. Эта новая обстановка совершенно соотвѣтствовала байроновскому настроенію Пушкина. На-

селеніе Кишинева въ ту эпоху было чрезвычайно пестрое и представляло собою картинную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній»: тутъ встрѣчались на каждомъ шагу и евреи, и болгары, и турки, и французы, и итальянцы. Возстаніе грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ греческихъ и молдаванскихъ фамилій, бѣжавшихъ отъ смутъ своей родины. Присутствіе ихъ сообщило Кишиневу сильный восточный характеръ, въ которомъ европейская образованность и восточное варварство смѣшивались оригинально и живописно. Пестрота, шумъ, разнообразіе и полная распущенность нравовъ тогдашняго Кишинева произвели сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій его настроенію духа.

Вмѣшавшись въ эту пеструю толпу, Пушкинъ повелъ жизнь полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ухаживаній, ссоръ, дуэлей и всяческихъ приключеній. Не было многочисленнаго собранія или картежной игры, гдѣ бы не являлся Пушкинъ, нечесанный, небритый, въ молдаванской фескѣ на головѣ, въ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и съ желѣзною дубинкою въ рукахъ, вообще въ костюмѣ самомъ картинномъ, безпорядочностью своею приводившемъ въ ужасъ чопорныхъ кишиневскихъ чиновниковъ. Безпощадная насмѣшливость, готовность каждую минуту выйти изъ себя и подраться произвели то, что Пушкинъ нажилъ себѣ въ городѣ массу враговъ и недоброжелателей. Солидные и степенные люди смотрѣли на него съ негодованіемъ, какъ на дерзкаго отрицателя всего святого, какъ на какое-то чудовище. Распространилось даже среди общества шуточное прозвище, данное Пушкину какимъ-то острякомъ—бѣсъ арабскій (каламбуръ—на слово бессарабскій). Послѣ же двухъ дуэлей (съ З. изъ за карть и съ Старовымъ изъ-за того, что́ танцовать—вальсъ или мазурку) и дикаго скандала съ молдаваниномъ Балшемъ, Пушкина положительно стали бояться въ городѣ, какъ бретера и скандалиста. Между тѣмъ добрый и мягкій Инзовъ относился къ своему невозможному подчиненному чисто по отечески. Онъ журилъ его послѣ каждой шалости, наказывалъ арестами, причемъ приставлялъ даже солдатъ къ его квартирѣ, или же посылалъ въ командировки. Такъ, во второй половинѣ 1822

года, послѣ одной буйной карточной ссоры, во время которой Пушкинъ, снявши сапогъ, ударилъ противника каблукомъ въ лицо, онъ былъ посланъ въ Измаилъ, и во время этой именно поѣздки Пушкинъ, встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, пристalъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Около трехъ лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ такою жизнью, отлучаясь очень часто то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи: 28 мая 1823 г. Инзовъ сдалъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора новому начальнику, М. С. Воронцову. Тогда-же было соединено въ одной власти и управленіе Бессарабіей; административнымъ центромъ сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора. Сначала Пушкинъ былъ очень радъ этому переводу. Его манила жизнь въ Одессѣ, шумномъ приморскомъ городѣ съ итальянской оперой, богатымъ и образованнымъ купечествомъ, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край, по выбору Воронцова. Все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій значеніе административнаго центра, не могъ уже дать. Но молодому поэту вскорѣ пришлось горько разочароваться. Оказалось, что здѣсь не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и фамиліарности отношеній къ службѣ, какія существовали въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ сразу поставилъ себя центромъ управляемой страны. Только-что пріобрѣтенный край впервые увидалъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества и стойкости. Отъ подчиненныхъ прежде всего теперь требовались бюрократическая «*порядочность*» въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія. Пушкинъ, очевидно, не могъ удовлетворить всѣмъ этимъ новымъ требованіямъ и въ то-же время видѣлъ, что тысяча глазъ слѣдятъ за его словами и поступками изъ одного побужденія—наблюдать явленіе, неподходящее къ общему строю; онъ терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холод-

наго презрѣнія ко всѣмъ его вспышкамъ, хотя-бы и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ пытался сначала приноровиться къ новой сферѣ: обстригся, почистился, пріодѣлся; но этого было мало: по существу онъ оставался все тѣмъ-же страстнымъ, увлекающимся и необузданнымъ, а не ревностнымъ и подтянутымъ бюрократомъ, какимъ его хотѣли видѣть. Извѣстно враждебное отношеніе Пушкина въ командировкѣ, сдѣланной ему Воронцовымъ—изслѣдовать саранчу въ южныхъ степяхъ Новороссіи. Командировка придумана была Воронцовымъ съ цѣлью дать Пушкину случай отличиться по службѣ, а П. принялъ порученіе это за желаніе насмѣяться надъ нимъ, и всѣмъ извѣстенъ тотъ шуточный рапортъ въ стихахъ о саранчѣ, который былъ представленъ Пушкинымъ вмѣсто дѣловой бумаги:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла.

Болѣе всего оскорбляло самолюбіе Пушкина то обстоятельство, что Воронцовъ игнорировалъ въ немъ поэта и смотрѣлъ лишь какъ на чиновника. И вотъ кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, долго сдерживая свое негодованіе, разразился, наконецъ, въ одесскомъ обществѣ потокомъ и произаическихъ, и стихотворныхъ сарказмовъ противъ своего начальника. Сарказмы эти дошли до Воронцова, и онъ 23 марта 1824 г. обратился къ управляющему министерствомъ иностр. дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить государю о необходимости отозвать П. изъ Одессы. Въ началѣ письма гр. Воронцовъ говоритъ, что, заставъ уже П. въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ послѣдствій главнаго его порока—самолюбія. «Здѣсь есть много людей, пишетъ гр.

Воронцовъ: а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе неумѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказать.... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ-бы ничему—Пушкинъ все-таки остался-бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ-бы еще между молодыми греками и болгарами довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой либо губерніи могъ-бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей». Въ концѣ-же письма гр. Воронцовъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Но не успѣло это письмо дойти до Петербурга, какъ о Пушкинѣ возникло новое дѣло. Не задолго до того поэтъ написалъ одному пріятелю письмо, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки: «Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аоеизма. Здѣсь англичанинъ—глухой философъ и единственный умный аоей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Письмо это было перехвачено на почтѣ и какимъ-то обра-

зомъ распространилось въ спискахъ по Москвѣ. Можно себѣ представить, въ какое негодованіе привело оно тогдашнее мистическое начальство. И вотъ, 11-го іюля 1824 года, отъ гр. Нессельроде послѣдовала гр. Воронцову въ отвѣтъ на его письмо слѣдующая бумага:

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя В. Сіят. прислали мнѣ по поводу кол. секр. Пушкина. Его Величество вполнѣ согласился съ вашимъ предположеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. В. Сіят. не замедлитъ сообщить Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами».

Гр. Воронцовъ получилъ это предписаніе въ Крыму, гдѣ путешествовалъ и былъ въ это время боленъ лихорадкой. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И.

Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, гр. А. Д. Гурьеву. Такъ кончилась годичная служба Пушкина въ свитѣ гр. Воронцова.

Но было-бы ошибочно думать, что всѣ вышеизложенныя мытарства и приключенія совершенно исчерпывали жизнь Пушкина на югѣ. По совершенно справедливому и единодушному замѣчанію всѣхъ біографовъ, Пушкинъ постоянно жилъ какою-то двойною жизнью, точно какъ-будто въ немъ подъ одною тѣлесною оболочкою были соединены два человѣка, нисколько не похожіе другъ на друга, и въ то время какъ одинъ Пушкинъ, заносчивый, высокомѣрный и тщеславный денди, задорный бретеръ, игрокъ и волокита, прожигалъ жизнь въ непрестанныхъ оргіяхъ, другой Пушкинъ, скромный и даже застѣнчивый, съ нѣжною и любящею душею, поражалъ усидчивостью и плодотворностью своей умственной дѣятельности. Можно положительно сказать, что онъ пожиралъ всѣ книги, какія только попадались ему на глаза и въ Кіевѣ—у Раевскихъ, и въ Каменкѣ—у Давыдовыхъ, и въ Кишиневѣ—у Инзова, у Орлова, Пущина, И. П. Липранди. Не ограничиваясь однимъ чтеніемъ, онъ дѣлалъ большія выписки изъ книгъ. Въ то же время онъ собиралъ народныя пѣсни, легенды, этнографическіе документы. Подъ конецъ-же пребыванія на югѣ страсть къ собиранію книгъ развилась у него до такой степени, что онъ сравнивалъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ, и превосходная библіотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ о разнообразіи и основательности его чтенія. Между прочимъ онъ успѣлъ выучиться на югѣ по англійски и довершилъ знаніе итальянскаго языка. Съ жадностью слѣдилъ онъ за ходомъ греческаго возрожденія и велъ даже журналъ событіямъ его.—Не ограничиваясь однѣми книгами, Пушкинъ, по словамъ И. П. Липранди, прибѣгалъ даже въ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и за-

тѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій.

Какъ плодовито въ то-же время было его творчество, можно судить по тому, что впродолженіи четырехъ лѣтъ жизни его на югѣ были написаны имъ, кромѣ массы лирическихъ стихотвореній, всѣ поэмы его байроновскаго стиля: въ 1821 году—«Кавказскій плѣнникъ» и «Братья разбойники», въ 1822-мъ—«Бахчисарайскій фонтанъ», въ 1824-мъ—«Цыганы»; рядомъ со всѣмъ этимъ въ 1823-мъ году была уже написана имъ первая глава «Евгенія Онѣгина». Сверхъ того, по черновымъ тетрадямъ, оставшимся послѣ Пушкина, можно судить, что въ разгарѣ своего байроновскаго свободомыслія онъ задумывалъ политическую трагедію «Вадимъ», предполагая написать картину заговора и возстанія «славянскихъ племенъ» противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апоѳеозой гражданскимъ доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причемъ и «*славянскія племена*», и «*иноплеменники*» составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Тѣ-же черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что тогда-же Пушкинъ началъ было писать сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Наконецъ къ 1822 году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, которая была навѣяна очевидно чтеніемъ Вольтера и впослѣдствіи доставила ему не мало раскаяній, навлекши непріятности со стороны духовенства.

Находясь подъ вліяніемъ Байрона и Ан. Шенье, увлекаясь въ то-же время Овидіемъ и сравнивая свою участь съ участью древняго изгнанника, сосланнаго на тѣ-же самые берега Дуная,—въ то-же время Пушкинъ и самъ не замѣчалъ, какъ изъ него вырабатывался совершенно самобытный народный русскій

художникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ болѣе и болѣе проглядывало совершенно новое направленіе, о которомъ въ то время и кто еще не помышлялъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ друзья и приверженцы Пушкина ставили его во главѣ русскаго романтизма, въ то время какъ Пушкинъ въ горячей перепискѣ съ друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ), разсуждая о животрепещущихъ литературныхъ вопросахъ того времени и о задачахъ критики, путался въ опредѣленіи того самаго романтизма, во главѣ котораго его ставили, никому и въ голову не приходило, что вовсе не романтизмъ составляетъ главную силу и достоинство новыхъ произведеній Пушкина, а ихъ непосредственная, органическая связь съ окружающею поэта жизнью. Но слово *реализмъ* не было еще въ то время произнесено въ нашей литературѣ.

И дѣйствительно, все то обновленіе, которое внесъ Пушкинъ въ нашу литературу, и весь переворотъ, который онъ произвелъ, главнымъ образомъ заключались въ томъ, что по самому существу своему Пушкинъ обладалъ глубоко реальнымъ чутьемъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, съ лицейскихъ стихотвореній уже, онъ творитъ по большей части подъ непосредственнымъ внушеніемъ впечатлѣній жизни. То-же самое мы видимъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности—байроническомъ. И здѣсь живыя впечатлѣнія постоянно берутъ перевѣсъ, вытѣсняютъ чуждыя, заимствованныя вѣянія, и этимъ живымъ впечатлѣніямъ обязанъ былъ Пушкинъ лучшимъ, что только создано имъ въ этотъ періодъ. Слѣдя за его жизнью въ связи съ творчествомъ, вы видите, какъ сама жизнь непосредственно внушаетъ ему его созданія: подъ впечатлѣніемъ Кавказа является «Кавказскій плѣнникъ», Крыму былъ обязанъ Пушкинъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», поѣздкою въ Измаилъ обусловливается поэма «Цыганы».—Обратите затѣмъ вниманіе на то, что является лучшимъ, наиболѣе художественнымъ и обаятельнымъ во всѣхъ этихъ поэмахъ. Конечно, не характеры героевъ, безцвѣтные и отвлеченные, внушенные вліяніемъ Байрона, а живыя картины мѣстной природы и быта. До такой степени тогда уже реализмъ составлялъ главную суть

его генія, что каждый разъ, когда онъ сходилъ съ реальной почвы, онъ начиналъ мучиться въ тщетныхъ усиліяхъ создать что либо, и творчество покидало его. Этимъ и объясняются неудачи его создать трагедію «Вадимъ», сатирическую поэму изъ адской жизни; наконецъ извѣстно, что и поэму «Братья-Разбойники» Пушкинъ не кончилъ и сжегъ, а то, что мы имѣемъ подъ этимъ названіемъ, составляетъ лишь отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго. Все это Пушкину не удалось именно потому, что здѣсь онъ не имѣлъ живыхъ красокъ, непосредственно навѣянныхъ дѣйствительностью, и долженъ былъ создавать отвлеченно. Въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» онъ сознательно уже становится на реальную почву. Когда появилась первая глава романа еще въ рукописи, друзья Пушкина увидѣли въ ней подражаніе байроновскому Донъ-Жуану; но Пушкинъ съ жаромъ возсталъ противъ этого мнѣнія, возражая, что ничего нѣтъ общаго между Онѣгинымъ и Д.-Жуаномъ; что у него и въ помышленіи не имѣлась байроновская сатира; что 1-ая глава романа есть не болѣе какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ, что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что будетъ далѣе, а далѣе, конечно, и тогда уже носились передъ его глазами картины русской жизни со всѣми ея особенностями. Наконецъ къ этому-же періоду жизни Пушкина относится впервые возникшее въ немъ сознаніе, что онъ можетъ существовать безъ службы, безъ покровительства властей и посторонней поддержки,однимъ своимъ литературнымъ трудомъ. До тѣхъ поръ стихи давали ему очень мало денегъ. «Русланъ» и «К. Плѣнникъ» оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Гнѣдичъ, раздѣлался съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему 550 р. асс. и одинъ экземпляръ поэмы. Не то было съ «Бахчисар. фонтаномъ». Изданіе его принялъ на себя кн. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. асс., да и то, какъ кажется, этимъ не ограничившійся.

V.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

1824—1826.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30-го іюля 1824 года, получивъ триста восемьдесятъ девять рублей прогонныхъ денегъ и сто пятьдесятъ рублей недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ. нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясною цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить на пути.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя свою подписку. По донесенію Псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ Михайловское, гдѣ его ожидали близкіе— отецъ, мать, братъ и сестра. Но не радостна была встрѣча опальнаго сына съ родителями, не видавшими его нѣсколько лѣтъ. Трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно и за самихъ себя, и за остальныхъ членовъ семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями, къ тому-же за атеизмъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на дружбу поэта съ младшимъ братомъ и сестрою, опасаясь, что онъ и ихъ совратитъ въ безбожіе. Между тѣмъ начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, Пещурову, пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за

нимъ наблюдателей. Серг. Льв. имѣлъ слабость принять это предложеніе, и что изъ этого вышло, можно судить по слѣдующему письму Пушкина къ Жуковскому, 31-го окт. 1824 г.:

«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче—быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ... Потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?—Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что̀ терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Поспѣши, обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что̀ будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я «hors de lois».

Въ то-же время псковскому губернатору Бор. Ант. Адеркасу Пушкинъ писалъ:

«М. Г. Борисъ Антоновичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая

тѣмъ обезпечить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его имп. вел., да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего пр—ва».

Совѣты-ли Жуковскаго или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на Сергѣя Льв., только, уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ отказъ отъ возложенной на него обязанности наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась однакоже вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ надзора и ласково принятъ молодымъ государемъ. Во второй разъ такимъ образомъ Серг. Льв. мирился съ сыномъ, благодаря лишь его успѣхамъ.

Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824 и 25 гг. Надзоръ за нимъ перешелъ опять къ Пещурову, а для религіознаго руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый и, какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени навѣщалъ поэта въ деревнѣ.

Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ оффиціально былъ вызванъ въ Псковъ для представленія мѣстному начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда-же являлся на базаръ и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ мужицкомъ костюмѣ. Дѣлалъ-ли онъ это ради изученія народности, или это было такое-же шутовство, которое побудило его въ Кишиневѣ носить восточные костюмы, неизвѣстно. Рядомъ съ этимъ стоитъ другой анекдотъ, что въ годовщину смерти Байрона Пушкинъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставшемся бояринѣ Георгіѣ.

Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ напоминаетъ жизнь Опѣ-

гина въ IV главѣ романа. Онъ также вставалъ рано и тотчасъ-же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣчкѣ и купался. Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Утро посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ: созданію и приготовительнымъ трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью—въ эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности—онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ между прочимъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими. Если случалось ему оставаться дома безъ дѣла и гостей, онъ игралъ двумя шарами на биліардѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней, Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Арина Родіоновна была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ изученіи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Пушкинъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, гдѣ жило доброе, благородное семейство Пр. Ал. Осиповой, съ которымъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, часто тамъ обѣдывалъ, заходилъ туда въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, пользуясь искреннею дружбою и привязанностью всѣхъ членовъ семьи. Онъ посвятилъ Пр. Ос. Осиповой свои подражанія корану, написанныя, можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало успокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій

умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста; усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и занимали его. Двѣ старшія дочери Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Вульфъ, составляли между собою такую-же противоположность, какую мы видимъ между Татьяной и Ольгой въ «Ев. Онѣгинѣ», и существуютъ догадки, что Пушкинъ написалъ свои безсмертные типы именно подъ вліяніемъ созерцанія этихъ двухъ барышень. Кромѣ нихъ тутъ были еще многочисленныя кузины, напр. Анна Ивановна, впослѣдствіи Трувенеръ (въ семействѣ ее называли Netty), Анна Петровна Кернъ, оставившая записки о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Алек. Ив. Осипова (Алина), кузина Вельяшева; всѣ онѣ были почтены Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр.

Но Пушкинъ, оставаясь холоднымъ зрителемъ всѣхъ волненій этой мирной сельской жизни, мало принималъ въ нихъ личнаго участія; мысль его постоянно жила въ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы съ печатью, изукрашенной такими-же кабалистическими знаками, какіе находились и на его перстнѣ,—постоянно составляло событіе въ уединенномъ Михайловскомъ. Пушкинъ запирался тогда въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ настроенія поэта при такихъ случаяхъ служитъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г.

Въ то-же время однообразіе деревенской жизни такъ сильно тяготило Пушкина, что онъ постоянно рвался изъ своего заточенія, мечтая о бѣгствѣ за-границу. Уже въ Одессѣ начались у Пушкина помыслы о бѣгствѣ; это видно изъ стихотворенія «Къ морю» (1824 г.), гдѣ говорится, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «поэтическій побѣгъ» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «свободной стихіи». Затѣмъ, въ письмѣ къ брату Льву Серг. весной 1824 г. изъ Одессы, Пушкинъ пишетъ, что онъ два раза просилъ о заграничномъ от-

пускѣ съ юга Россіи и оба раза не получалъ дозволенія. «Осталось одно, прибавляетъ онъ: взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ.» Въ Михайловскомъ онъ постоянно строилъ планы бѣгства въ сообществѣ со старшимъ сыномъ Осиповой, дерптскимъ студентомъ А. Н. Вульфомъ, который пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ-же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы. Сначала Вульфъ, мечтая ѣхать за границу, предлагалъ Пушкину увезти его съ собой подъ видомъ слуги. Но затѣмъ, когда подобный фантастическій замыселъ оказался неудобоисполнимымъ, друзья составили новый планъ. Пушкинъ выдумалъ у себя мнимый аневризмъ и обратился при посредствѣ родныхъ съ просьбою къ высшимъ властямъ о разрѣшеніи ему отправиться въ Дерптъ лечиться у дерптскаго профессора хирургіи И. Ф. Майера (родственника Жуковскаго). Друзьямъ казалось, что изъ Дерпта ничего уже не стоило удрать за границу. Но и этотъ планъ остался безъ осуществленія, такъ какъ Пушкину вышло разрѣшеніе ѣхать лечиться всего на все въ Псковъ.

Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года, и въ этихъ мечтахъ и порываніяхъ незамѣтно подкралось 14 декабря. Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый человѣкъ Осиповой вернулся изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками, и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Всю ночь провелъ онъ въ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ, что онъ долженъ дѣлать. Ему казалось необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ. И вотъ, не медля, раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, но, не доѣхавъ до первой станціи, онъ вернулся обратно въ деревню вслѣдствіе дурныхъ примѣтъ: именно, при выѣздѣ изъ Михайловскаго, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда выбрался въ поле, заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу.

*

Послѣдствія бунта не замедлили оправдать эти дурныя примѣты. Пушкинъ пришелъ въ ужасъ и первымъ дѣломъ началъ бросать въ огонь письма и бумаги, мало-мальски компрометирующія его; такъ, между прочимъ сжегъ онъ свою автобіографію, которую писалъ въ то время. Каждый день приносилъ извѣстія объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся въ чемъ-либо. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начала образовываться пустота, словно послѣ жаркой битвы. Нѣсколько разрозненныхъ и уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслью о спасеніи самихъ себя. То-же приходилось дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу состоялъ въ томъ, чтобы обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежде. Въ началѣ 1826 года Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любопытное письмо, видимо составленное и перебѣленное такъ, чтобы его можно было показывать, кому слѣдуетъ: «Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ, но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14 декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни-было, я желалъ-бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости, съ моей стороны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и об-

народованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Друзья Пушкина не замедлили принять горячее участіе въ его стремленіи къ освобожденію, и изъ Петербурга сообщены были ему правильные, формальные пути къ этому. Пушкинъ исполнилъ въ точности программу друзей, и когда наступила надлежащая минута, онъ представилъ псковскому губернатору Адеркасу слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ 1824 г., имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ исключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

«Нынѣ, съ надеждой на великодушіе Вашего Имп. Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), осмѣлился я прибѣгнуть къ В. Имп. В. со всеподданнѣйшею моею просьбою:

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края».

Къ прошенію были приложены медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы о болѣзни Пушкина и слѣдующее обязательство его: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу *и никогда не зналъ о нихъ*. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-мая 1826 года».

Прошеніе Пушкина, препровожденное Адеркасомъ генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, а имъ графу К. В. Нессельроде, лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ,

до дня коронованія. Черезъ шесть дней послѣ этого событія, именно 28 августа, состоялась высочайшая резолюція о препровожденіи Пушкина съ фельдъегеремъ въ Москву.

Между тѣмъ какъ во внѣшней жизни Пушкина происходили всѣ эти событія, во внутреннемъ мірѣ его совершился весьма важный переворотъ во время его пребыванія въ Михайловскомъ. Здѣсь онъ окончательно отдѣлался отъ байронизма и увлекался теперь уже Шекспиромъ. Поэма «Цыганы», написанная въ 1824 году, была послѣднею данью направленію, которому онъ подчинялся на югѣ. Уже въ 1825 году онъ пишетъ Н. Н. Раевскому: «Правдоподобіе изложеній и истина разговора— вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ пѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому— свою ненависть, третьему—меланхолію и проч., и такимъ то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія»....

Увлеченіе Шекспиромъ повело Пушкина къ весьма благотворнымъ результатамъ. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ великаго драматурга, умѣвшаго сохранять геніальную простоту и вѣрность дѣйствительности даже въ моменты самаго трагическаго паѳоса, Пушкинъ окончательно выступаетъ на путь реализма. Не даромъ въ томъ-же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «есть и еще заблужденіе: задумавъ какой нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: «дайте мнѣ пить»—какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова «Озлобленнаго»: «онъ заплатилъ»! (ha payeto). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость—*развѣ это естественно?* Отсюда и неловкость, и робкость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь

скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать *съ полной непринужденностью жизни*, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.»

Во-вторыхъ, подъ вліяніемъ изученія Шекспира и особенно его хроникъ, Пушкинъ тогда уже началъ проникаться тѣмъ исторически объективнымъ взглядомъ на жизнь, какой мы видимъ во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности. Наконецъ Шекспиру-же былъ обязанъ Пушкинъ и тѣмъ, что онъ съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прежде, бросился на собираніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его пришли въ лихорадочное напряженіе вслѣдствіе чтенія Шекспира, то онъ тотчасъ-же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и втеченіи 1825 года написалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ», которой прощался со всѣми старыми своими направленіями и начиналъ новый періодъ своего развитія.

Одновременно съ драмою «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ успѣлъ написать въ Михайловскомъ: шесть главъ «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», въ свою очередь навѣяннаго чтеніемъ Шекспира, и свои записки, сожженныя имъ послѣ 14-го декабря. Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ чтенія Тацита, которое онъ сопровождалъ своими «замѣтками», онъ тогда уже написалъ стихотворную часть «Египетскихъ ночей». Мы не упоминаемъ здѣсь о массѣ мелкихъ его произведеній, написанныхъ въ это-же время. Такъ богата и плодотворна была его поэтическая дѣятельность въ тиши уединенія села Михайловскаго.

VI.

Послѣдніе годы холостой жизни А. С. Пушкина.

1826—1831.

Появленіе въ селѣ Михайловскомъ фельдъ-егеря, пріѣхавшаго за Пушкинымъ, произвело всеобщій ужасъ и недоумѣніе. Всѣмъ показалось, что поэтъ совсѣмъ исчезалъ изъ числа живыхъ. Это было 2-го или 3-го сентября. Пушкинъ весело провелъ вечеръ въ Тригорскомъ и часу въ 11-мъ отправился домой, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день рано утромъ въ Тригорское прибѣжала няня Пушкина, Арина Родіоновна, съ поразительнымъ извѣстіемъ, что какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ, прискакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собою Пушкина, и притомъ такъ заторопилъ его, что Пушкинъ успѣлъ только накинуть на себя шинель и захватить деньги.

По пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ былъ тотчасъ-же представленъ императору Николаю. Вотъ какъ разсказывалъ впослѣдствіи Ан. Гр. Хомутовой объ этомъ представленіи самъ Пушкинъ:

«Фельдъ-егерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— «Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?»—Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:—«Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?»—

«Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!»—«Довольно ты надурачился, возразилъ императоръ:—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Сверхъ того разсказываютъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ: поэтъ и здѣсь остался поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошелъ до того, что незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Между тѣмъ вѣсть объ освобожденіи Пушкина по милостивой аудіенціи, полученной имъ у государя, быстро разнеслась по Москвѣ и въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно-образованной. И въ великосвѣтскихъ салонахъ, въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ принятъ, какъ первый гость; вездѣ встрѣчали его восторженныя овацiи и поклоненіе. Послѣ шестилѣтней ссылки, увлекшись свободою, Пушкинъ весело кружился въ шумѣ и вихрѣ московской жизни, только что отпраздновавшей коронацію. То было горячее литературное время въ Москвѣ: на безпрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ собраніяхъ обсуждались животрепещущіе вопросы, литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московскаго Вѣстника» и затѣмъ на двухъ собраніяхъ читалъ свою новую, только что написанную драму, сначала у С. А. Соболевскаго, а потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Второе-же чтеніе, 12-го сентября, происходило при мно-

гочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь, кромѣ братьевъ Веневитиновыхъ, присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось овапіями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ: и потомъ бросились къ Пушкину; начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца», о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ!»

Но не долго продолжалось радостное настроеніе Пушкина подъ первымъ впечатлѣніемъ только-что полученной свободы. Онъ не замедлилъ вскорѣ горько разочароваться и убѣдиться, что эта свобода была крайне условна и ограничена. Между тѣмъ какъ онъ безпечно наслаждался свѣтскою жизнью въ Москвѣ и упивался литературными овапіями, онъ и не замѣтилъ, какъ нажилъ себѣ врага во всесильномъ гр. Бенкендорфѣ, который каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30 сентября:

«М. Г. Ал. С. Я *ожидалъ пріѣзда Вашего*, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей, но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ *и не надѣясь видѣть здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали раз-

рѣшенія черезъ письмо. Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на преданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, его имп. величеству благоугодно, чтобъ вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода—когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, *что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.* Сочиненій вашихъ никто разматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь имп. самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляя вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма можете до представленія его величеству доставить ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя».

Пушкинъ и не замѣтилъ въ этомъ письмѣ намека гр. Бенкендорфа на то, что поэтъ не удостоилъ его посѣщеніемъ. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выраженіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое-же довѣріе къ нему, какимъ пользовался нѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было договорено самаго главнаго: именно, что Пушкинъ не только не могъ ничего печатать до высочайшаго просмотра, но и показывать кому-либо вновь написанное. И вотъ, когда Пушкинъ мирно отдыхалъ въ с. Михайловскомъ послѣ всѣхъ московскихъ овацій, вдругъ онъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое внушеніе отъ гр. Бенкендорфа:

«М. Г. А. С! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ

посредство мое, или даже прямо его императорскому величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ. Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо-ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобъ не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго».

Письмо это произвело на Пушкина самое подавляющее впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что участь его чуть-ли не болѣе зависитъ отъ гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ государя, и тотчасъ-же написалъ въ Москву М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ:— ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ—хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до скораго свиданья. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся».

Въ тотъ-же день (29 ноября) онъ послалъ гр. Бенкендорфу извинительное письмо, въ самыхъ подобострастныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ объясняя, что онъ дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ препровождалъ на высочайшее усмотрѣніе свою трагедію. Затѣмъ, по требованію гр. Бенкендорфа, были высланы и стихи, предназначенные Пушкинымъ къ печати, каковы были: «Анчаръ», «Стансы», 3-я глава «Онѣгина», «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромѣ двухъ послѣднихъ, были разрѣшены. Относительно «Пѣсней о Стенькѣ Разинѣ», гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что, сверхъ того, церковь прокли-

наетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Въ декабрѣ послѣдовалъ докладъ гр. Бенкендорфа государю о драмѣ Пушкина. Императоръ, прочтя драму, замѣтилъ нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, если бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ В. Скотта. Пушкинъ отвѣчалъ гр. Бенкендорфу на извѣщеніе его объ этомъ: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Принявъ этотъ высочайшій отзывъ за неблагопріятный, Пушкинъ положилъ свою драму въ портфель, гдѣ она пролежала до 1829 г., когда онъ рѣшился вновь представить ее на высочайшее благоусмотрѣніе. Но и во второй разъ пьеса не получила одобренія; потребовалось перемѣнить нѣкоторыя тривіальныя мѣста, слова и выраженія, слишкомъ простонародныя и нарушающія скромность, замѣнить названіе «комедія» драмою, и лишь послѣ новыхъ измѣненій пьеса могла явиться въ свѣтъ въ 1831 году.

Въ концѣ того-же 1826 года Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу заказанную «Записку о народномъ воспитаніи», гдѣ ясно отражается вся та паника, которую переживалъ поэтъ въ это время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ вродѣ гр. Бенкендорфа съ стремленіемъ провести либеральную тенденцію. Тѣмъ не менѣе записка не понравилась, и гр. Бенкендорфъ 23 дек. 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: «Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто-бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ

на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Все это показываетъ, какими подозрительными глазами еще смотрѣли на Пушкина, и какъ тѣсенъ былъ кругъ дарованной ему свободы. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта не только за каждый мало-мальски неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ, такъ сказать, будущаго. Такъ напримѣръ, въ началѣ 1827 г. онъ обратился съ просьбою о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе было ему дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Благонадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было написано Пушкинымъ въ началѣ 1825 года и помѣщено въ первомъ собраніи его стихотвореній, изданномъ въ 1826 году. Цензура, разсмотрѣвъ стихотвореніе 8-го окт. 1825 г. (слѣдовательно за 2 мѣсяца до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха, со стиха «Привѣтствую тебя» и до стиха «И буря мрачная». Между тѣмъ этотъ отрывокъ распространился по Москвѣ, какъ стихотвореніе, написанное будто-бы Пушкинымъ спеціально по поводу 14 дек. Одинъ изъ списковъ съ надписью «По поводу 14 дек.», принадлежавшій кандидату московскаго университета Ал. Леопольдову, попалъ въ руки полиціи, и вотъ возгорѣлось дѣло, длившееся два года. Пушкинъ неоднократно былъ призываемъ по этому дѣлу, и относительно его состоялся слѣдующій указъ пр. сената: «Хотя Пушкина надлежало подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но, какъ преступленіе сдѣлано имъ до манифеста 22 авг. 1826 г., то, избавя

его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою впредь никакихъ своихъ стихотвореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливаться выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Государствен. совѣтъ, сверхъ этого, усмотрѣвъ въ самыхъ отвѣтахъ Пушкина на слѣдствіи неприличныя выраженія, присудилъ его къ секретному полицейскому надзору. Замѣчательно, что это опредѣленіе государствен. совѣта, состоявшееся 29 авг. 1828 г., при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина, слѣдовало за нимъ по пятамъ изъ губерніи въ губернію и, наконецъ, было объявлено ему московскою полиціею лишь въ концѣ января 1831 г., за нѣсколько дней до свадьбы.

Всѣ эти непріятности сильно вліяли на расположеніе духа Пушкина и его душевное спокойствіе. Онъ часто теперь хандрилъ, находился въ раздраженномъ, нервномъ состояніи; раскаяніе о годахъ молодости, утраченныхъ въ «праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», мысли о смерти начали посѣщать его чаще и чаще. Онъ ведетъ теперь кочующую жизнь, нигдѣ не оставаясь болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, словно не можетъ найти себѣ мѣста на землѣ. Трудно слѣдить за всѣми его постоянными переѣздами въ этотъ періодъ времени. То онъ бросается въ омутъ столичной жизни и стремится словно забыться отъ снѣдающей его тоски, снова предаваясь свѣтскимъ развлеченіямъ, оргіямъ и картамъ; то, напротивъ того, бѣжитъ изъ столицъ и клянетъ столичную жизнь. Такъ напр., лѣтомъ 1827 г. онъ писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между обоими городами, я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ что онъ предпочитаетъ—быть колесованнымъ или повѣшеннымъ—отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ». Въ свою очередь, въ январѣ 1828 г. онъ пишетъ въ Тригорское: «для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и прелестный берегъ Сороти; видите, милостивая государыня, что настроеніе мое еще поэтично, не смотря на гадкую прозу моей настоящей жизни».

И въ то время, какъ городская жизнь его раздражаетъ и злитъ, деревня, совершенно наоборотъ, сравнительно съ его юными годами, успокаиваетъ его нервы, и онъ снова дѣлается среди деревенской обстановки ясенъ душой и веселъ. Такъ, уѣхавши осенью 1828 года въ Малинники, деревню Тверской губерніи, принадлежавшую Пр. Алек. Осиповой, онъ пишетъ оттуда Дельвигу въ ноябрѣ: «Здѣсь очень весело. Прасковью Алекс. люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито (ученая собака, которая въ то время показывалась въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій, родственникъ Осиповой) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На-дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованныя ребятишки, хотѣли непремѣнно туда-же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и чернослива и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марк. ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте чернослива, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ, весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ. Я съ ними вожусь платонически, и оттого толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ».

Но эти возвраты яснаго и рѣзваго настроенія духа, словно послѣдніе проблески юности, посѣщаютъ Пушкина теперь довольно рѣдко и быстро смѣняются снова тревожнымъ и мрачнымъ настроеніемъ, и снова онъ мечется, не зная, куда ему дѣться. Такъ, въ началѣ турецкой войны онъ заявляетъ вдругъ желаніе участвовать въ ней. Въ январѣ 1830 г. просится заграницу или сопровождать нашу миссію въ Китай. Всѣ эти планы не получили разрѣшенія. За то въ мартѣ 1829 г. онъ, не испрашивая никакого разрѣшенія, уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ, находясь въ русскомъ лагерѣ подъ Эрзерумомъ, словно нарочно искалъ смерти, становясь подъ непріятельскія пули. Плодомъ

этой поѣздки и было его «Путешествіе въ Эрзерумъ во время похода 1829 года».

Самовольное путешествіе на Кавказъ, равно какъ и стремительный переѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 г. съ цѣлью ухаживанія за своею будущею женою, не обошлись Пушкину безъ нагоняя со стороны гр. Бенкендорфа, и онъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ *собственному своему поведенію*». Удрученный этимъ письмомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 г. онъ каждую весну проводилъ въ Москвѣ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его—поѣздки въ Эрзерумъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выражалъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе злопамятствуютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ*: «Если завтра, прибавилъ онъ, вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью къ гр. Бенкендорфу и, злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ не имъ писанныя, готовъ въ остервенѣніи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокаивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурного о немъ, что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему, и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его.

Къ этому-же времени относится сватовство Пушкина. Онъ познакомился съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой еще въ 1828 г., когда Н. Н. было всего 15 лѣтъ. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда-же сказалъ, что участь его будетъ навѣки связана съ молодой особой, обращавшей на себя всеобщее вниманіе. Въ 1830 г. прибытіе части Высоч. двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ увеселеній и празднествъ. Н. Н. участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, кото-

рыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ гостей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ московскимъ генер.-губерн. Дм. Вл. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. И вотъ стремительно уѣхавъ въ Москву, какъ мы выше говорили, онъ возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Воскресенія 21 апр. 1830 г. онъ сдѣлалъ семейству Н. Н. предложеніе, которое и было принято.

Вслѣдъ за тѣмъ въ исходѣ лѣта Пушкинъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и переговоровъ съ отцомъ касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Серг. Льв. выдѣлилъ сыну часть своего родового имѣнія Болдина, Нижегородской губерніи, и Пушкинъ отправился туда въ августѣ 1830 г. для принятія своего наслѣдства. Въ Болдинѣ провелъ онъ осень и часть зимы, окруженный со всѣхъ сторонъ карантинами по случаю холеры, и, равнодушный къ своей собственной особѣ, сильно безпокоился объ участи родныхъ.— Только въ декабрѣ успѣлъ онъ пробраться въ Москву съ свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ выдѣленной ему части. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы его расположеніе духа было вновь омрачено извѣстіемъ о смерти Дельвига 14 января 1831 г., и эта внезапная смерть ближайшаго друга и однокашника сильно потрясла его и глубоко огорчила. Наконецъ, въ среду 18 февраля 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія, Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой.

Не смотря на все скитальчество въ разсматриваемые нами годы жизни Пушкина, этотъ періодъ жизни былъ самый плодотворный въ творческой его дѣятельности. Такъ, мы видимъ, что тотъ реализмъ, на путь котораго рѣшительно выступилъ Пушкинъ въ концѣ своего пребыванія въ с. Михайловскомъ, не замедлилъ привести его къ попыткамъ въ той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ этому литературному направленію,— именно въ формѣ прозаическаго романа. И вотъ лѣтомъ и въ началѣ осени 1827 года Пушкинъ написалъ бо́льшую часть исторической повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и сразу создалъ тотъ безыскусственно простой, кристально-чистый и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ высшей степени художественный повѣствовательный слогъ, который и до сихъ поръ остается неподражаемымъ.

Писаніе исторической повѣсти изъ эпохи Петра показываетъ, что Пушкинъ въ то время занимался историческимъ изученіемъ этой эпохи. Но колоссальная личность Петра такъ поразила и вдохновила поэта, что онъ не могъ ограничиться одной прозою; и вотъ онъ тогда-же предпринялъ воспѣть великаго преобразователя Россіи въ поэмѣ. И замѣчательно, что, вопреки своему обыкновенію замыкаться осенью для своихъ поэтическихъ работъ въ деревнѣ, Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ, словно нарочно для того, чтобы воспѣвать Петра на самомъ мѣстѣ его кипучей дѣятельности, и вотъ здѣсь осенью того-же года онъ создалъ свою «Полтаву». Какъ сильно было напряженіе творчества въ этотъ разъ, мы можемъ судить по тому, что поэма была написана всего на все въ 13 дней, причемъ Пушкинъ отнюдь не уединялся отъ свѣта, а велъ такую-же свѣтскую и разсѣянную жизнь, какъ и всегда, когда бывалъ въ столицѣ.

Второй не менѣе сильный порывъ творчества въ этотъ періодъ своей жизни Пушкинъ испыталъ осенью 1830 года, въ Болдинѣ, когда въ какіе-нибудь два-три мѣсяца онъ написалъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ Плетневу, «двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами («Домикъ въ Коломнѣ»); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ прозою (весьма секретно) пять повѣстей (Повѣсти Бѣлкина). Въ этотъ списокъ не попали еще «Лѣтопись села Горохина» и «Пиръ во время чумы».

VII.

Послѣдніе годы жизни Пушкина.

1831—1837.

Проживъ до весны въ Москвѣ, новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ, и Пушкинъ переѣхалъ со своею женою на дачу въ Царское Село, гдѣ въ это лѣто проживалъ и Жуковскій. Въ Петербургѣ вскорѣ развилась холера, что затруднило сношенія съ городомъ, и Пушкинъ «прижатый», какъ онъ выражался, къ Царскому Селу, былъ предоставленъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, семейнымъ радостямъ медовыхъ мѣсяцевъ и воспоминаніямъ золотыхъ дней своего дѣтства. Здѣсь Пушкинъ, подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ того времени, отчасти и друга своего Жуковскаго, утомленный въ то-же время всѣми тѣми гоненіями, которыя онъ испыталъ въ предшествовавшіе годы, впервые выступилъ на поприще того оффиціальнаго патріотизма, который, не избавивъ его отъ тѣни подозрѣнія, лежавшей на немъ въ глазахъ высшей администраціи, въ то-же время произвелъ охлажденіе къ нему въ значительной части русскаго общества. 5 августа написано было имъ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», за которымъ вскорѣ послѣдовала «Бородинская годовщина». Тамъ-же, въ Ц. Селѣ, состязаясь съ Жуковскимъ), Пушкинъ написалъ свои сказки «О царѣ Салтанѣ», «О попѣ Остолопѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Впрочемъ патріотическія стихотворенія не остались совсѣмъ безъ слѣда, и 14 ноября 1831 г. Пушкинъ зачисленъ былъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ

Дѣлъ съ жалованьемъ 5,000 ассигн. въ видѣ особенной Высочайшей милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра В., чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться въ ту-же зиму, по переѣздѣ съ дачи въ Петербургъ. Изъ квартиры своей въ Морской отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекла зима 1832 г. 7 янв. слѣдующаго года онъ былъ принятъ въ число членовъ Имп. Рос. Академіи и началъ прилежно посѣщать засѣданія Академіи по субботамъ. Плодомъ этихъ посѣщеній были статьи его «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова». Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, и отправлялся каждый день въ Архивъ, туда и обратно пѣшкомъ; когда-же чувствовалъ утомленіе, шелъ купаться, и этого средства было достаточно, чтобы снова возвратить ему бодрость и силы. Въ архивахъ Пушкинъ не ограничивался однимъ собираніемъ матеріаловъ къ исторіи Петра; ему попалось случайно подъ руки нѣсколько бумагъ, относящихся къ Пугачевскому бунту: онъ быстро увлекся изученіемъ этого событія и вскорѣ весь ушелъ въ него. При такой непрерывной и страстной дѣятельности, къ осени 1833 года, у него были уже готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта», написана вчернѣ «Капитанская дочка», и сверхъ этого были совсѣмъ отдѣланы—«Русалка» и «Дубровскій».

Не ограничиваясь одними архивными изысканіями, Пушкинъ, какъ истый реалистъ, предпринялъ тогда уже то, что нынѣ, полстолѣтіе спустя, ставятъ въ особенную заслугу современнымъ намъ французскимъ натуралистамъ, какъ нѣчто новое, ими только-что введенное:—именно онъ захотѣлъ посѣтить всѣ мѣста, ознаменованныя пугачевскимъ бунтомъ. И вотъ осенью въ 1833 г. онъ совершилъ поѣздку по Казанской, Симбирской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ. Вездѣ онъ, обозрѣвая мѣстности, въ то-же время искалъ живыхъ преданій и свидѣтельства очевидцевъ. Такъ, въ Казани онъ провелъ съ этою цѣлью полтора часа у нѣкоего старожила, купца Крупенина; въ Оренбургской губерніи разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ

того Пьянова, о которомъ упоминается въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, помнившую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть не влюбился въ нее, не смотря на мало привлекательную наружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ принятъ съ большимъ радушіемъ всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь поэта.

Истративъ на все это путешествіе мѣсяцъ, Пушкинъ возвратился въ Болдино 2-го октября, и до конца ноября пробылъ въ деревнѣ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ на службу. Въ этотъ промежутокъ времени были имъ закончены «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Пѣсни западныхъ славянъ», которыя онъ писалъ между дѣломъ, втеченіе 1832 и 33 годовъ, «Мѣдный всадникъ» и «Исторія Пугачевскаго бунта».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ въ декабрѣ 1833 года на разсмотрѣніе начальства свою «Исторію Пугачевскаго бунта» и получилъ дозволеніе на изданіе ея; сверхъ того, въ видѣ награды, онъ былъ пожалованъ въ камеръюнкеры, а на напечатаніе книги дано ему было заимообразно 20,000 р. асс. съ правомъ избрать одну изъ казенныхъ типографій.

Повидимому Пушкинъ былъ на верху милостей, почестей и славы; со стороны могло казаться, что жизнь улыбается ему какъ нельзя болѣе. А на самомъ дѣлѣ онъ былъ глубоко несчастный человѣкъ и тысячи острыхъ пилъ со всѣхъ сторонъ подтачивали его существованіе.— Начать съ того, что положеніе Пушкина было крайне двусмысленно. Съ одной стороны казалось, что это было поднятіе въ высшія сферы общества, весьма льстившее тщеславію поэта; но въ то-же время это внѣшнее возвышеніе соединялось съ цѣлымъ рядомъ нравственныхъ униженій всякаго рода. Пушкинъ не могъ войти въ высшія сферы человѣкомъ равнымъ людямъ, находившимся въ нихъ, ни по своему состоянію, ни по родовитости, что неотразимо развивало въ немъ болѣзненную мнительность, при которой каждый неотплаченный визитъ, малѣйшій признакъ небрежности въ отношеніяхъ къ нему и къ его дому раздувались въ его воображеніи въ умышленное пренебреженіе къ нему, въ желаніе доказать ему, что онъ сидитъ

не въ своихъ саняхъ. Въ то-же время, это новое положеніе, при всей его кажущейся высотѣ, носило характеръ своего рода заточенія, такъ какъ оно было обязательно: Пушкинъ не могъ самовольно выйти изъ него, видя его ненормальность, не могъ даже жить, гдѣ ему вздумалось бы; когда-же онъ просился въ отставку, ему или отказывали, или грозили опалою, лишеніями—вродѣ запрещенія посѣщать архивы.

И особенно положеніе Пушкина при дворѣ сдѣлалось тягостно, когда ему пожаловали камеръ-юнкерство. Это придворное званіе было уже не по лѣтамъ Пушкина, и положеніе его невольно было комично, когда ему приходилось на выходахъ стоять среди безбородыхъ юношей. Этимъ и объясняются исполненныя горечи слова его дневника отъ 1-го янв. 1834 г.

«Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ.—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ». Отсюда-же вытекаетъ и отвѣтъ его великому князю, который поздравилъ его въ театрѣ съ назначеніемъ:—«Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравили».

Самое исполненіе придворныхъ этикетовъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ крайне тяготило Пушкина своею формальностью, соединенной съ выговорами и замѣчаніями чисто школьническаго характера. «Третьяго дня, писалъ онъ своей женѣ: возвратился я изъ Царскаго въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ имъ это объявить. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймерсомъ—ни за какія

благополучія! j'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ mr. Jourdain».

Въ то-же время обязательная придворная жизнь, навязанная Пушкину, соединенная съ выходами, пріемами, нарядами жены, требовала такихъ расходовъ, которые были совершенно не по средствамъ Пушкина, остававшагося при своемъ высокомъ положеніи все тѣмъ-же помѣщикомъ средней руки, да еще помѣщикомъ съ крайне разстроеннымъ состояніемъ. Всѣ имѣнія родныхъ его къ этому времени успѣли придти въ полный упадокъ. Мы уже замѣтили выше, что управляющій, честный нѣмецъ, посланный въ Болдино, убѣжалъ оттуда въ ужасѣ. Тщетно умолялъ Пушкинъ своихъ родныхъ поселиться года на два, на три въ Михайловскомъ. Сер. Льв. пришелъ въ ужасъ и неистовство отъ перспективы закабаленія въ деревенскую глушь. «Вы не можете вообразить, пишетъ Пушкинъ къ Осиповой 29-го іюня 1835 г., какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдинымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ разоренія; если бы они могли рѣшиться пробыть нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться; но этого никогда не будетъ».

И вотъ, какъ неизмѣнные спутники разоренія, пошли залоги и перезалоги имѣній, безпрестанныя хлопоты о томъ, гдѣ бы и какъ бы раздобыть денегъ, а долги росли не по днямъ, а по часамъ. Къ тѣмъ 20,000 р., которыя Пушкинъ получилъ заимообразно на изданіе Пугачева, присоединился новый казенный долгъ: именно 16 августа 1835 г. пожаловано было ему въ ссуду 30,000 р. асс. безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату общей суммы долга, возросшей такимъ образомъ до 50,000, шло получаемое имъ жалованье, по 5,000 р. въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, передъ самою смертью уже, Пушкинъ вновь хлопочетъ у министра финансовъ Канкрина о томъ, что нельзя-ли принять

въ уплату этого долга 200 душъ, принадлежащихъ лично ему въ Нижегородской губерніи и заложенныхъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Это печальное финансовое положеніе не могло не отражаться и на творчествѣ поэта! И тутъ мы видимъ весьма прискорбное раздвоеніе: въ то время какъ Пушкинъ болѣе чѣмъ когда-либо ратовалъ за чистое и свободное искусство и восклицалъ надменно презрѣнной черни «подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ»,— въ дѣйствительности литературная дѣятельность его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимала спекулятивный характеръ и вся обращалась къ тому, какъ бы добыть болѣе денегъ. Конечно, не ради «звуковъ чистыхъ и молитвъ» предпринималъ онъ обширные историческіе труды въ родѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» или «Исторіи Петра В.,» труды, такъ мало свойственные его генію и потому крайне слабые, сухіе, въ которыхъ вы и слѣда не видите того, что вы привыкли соединять съ именемъ Пушкина. Это-же желаніе добыть какъ можно болѣе денегъ побуждало его взяться за какое-нибудь періодическое изданіе. Такъ, сначала онъ мечталъ о газетѣ, но когда газета не была ему разрѣшена, предпринялъ въ послѣдній годъ жизни ежемѣсячный журналъ «Современникъ». Цѣль изданія журнала была, повидимому, весьма почтенная: именно противодѣйствовать тому легкомысленно насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который господствовалъ въ то время въ петербургской журналистикѣ, особенно на страницахъ «Библіотеки для Чтенія»; возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики; но сквозь всѣ эти чисто литературныя цѣли постоянно проглядываетъ надежда поправить свое состояніе.

Вообще, весьма грустное впечатлѣніе производилъ этотъ геніальный человѣкъ, которому поклонялась вся Россія, затертый въ блестящей толпѣ расшитыхъ мундировъ, въ качествѣ выскочки, глотающій поминутно если не пренебреженіе, то еще того хуже — снисходительность, съ тоскливой скукой одиноко бродящій по бальнымъ заламъ или взирающій изъ-за колонны, какъ увиваются свѣтскіе франты за его женою. Она отплясы-

ваетъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая и безпечная, а у него въ это время кошки скребутъ на сердцѣ, и не отъ одной ревности, а при мысли, что вотъ всѣ вокругъ веселятся, счастливые, довольные, обезпеченные, не думая о завтрашнемъ днѣ, а ему предстоитъ завтра ѣхать въ Опекунскій Совѣтъ послѣднее имѣніе закладывать или вести торгашескіе переговоры съ литературными барышниками. Нѣтъ ничего мудренаго, что всѣ письма его въ послѣдніе два-три года его жизни, особенно къ женѣ, постоянно носятъ характеръ какихъ-то стоновъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ:

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной, доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль». «Милый мой ангелъ! пишетъ онъ въ другомъ:—я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Гос-

пода Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни».

...«Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—я проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былі жолченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ-бы лишь меня во свояси».

...«На дняхъ я чуть было бѣды не надѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не поссорился—струхнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого ненаживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ и не правъ...

...«Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тотъ запретилъ, заставляетъ меня жить въ ПБ. и не даетъ мнѣ способа жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. Что изъ этого будетъ, Господь вѣдаетъ»...

...«Какъ ты съ хозяиномъ управилась? Что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, чистить... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается...»

Прибавьте ко всѣмъ этимъ непріятностямъ нескончаемыя полицейскія и цензурныя дрязги. Дѣло въ томъ, что ни приближеніе ко двору, ни всѣ изливаемыя на Пушкина высочайшія милости не избавляли его отъ строгаго полицейскаго надзора. По прежнему относительно всѣхъ своихъ занятій и каждаго шага онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, по прежнему прочитывалась его переписка, и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. То придирались къ нему, зачѣмъ онъ ограничивается одною общею цензурою, въ то время, какъ онъ подчиненъ высочайшей цензурѣ, то наоборотъ требо-

вали, чтобы сочиненія, одобренныя къ напечатанію самимъ государемъ, онъ затѣмъ представлялъ въ общую цензуру. Поэма его «Мѣдный всадникъ» была не допущена къ печати, и при жизни ему не пришлось видѣть ее напечатанною. Благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось видѣть ни одной своей пьесы на сценѣ. Онъ очень желалъ, чтобы А. М. Каратыгина съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Дмитрія съ Мариною, но не смотря на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ.

Но особенно увеличились цензурныя придирки и непріятности, когда въ 1833 г. министромъ народ. просв. былъ сдѣланъ гр. Уваровъ, относившійся къ Пушкину весьма недружелюбно. Распоряженія его выводили Пушкина изъ себя, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды на вечерѣ у Карамзина къ нему подошелъ Уваровъ и по поводу ходившей въ то время по рукамъ эпиграммы «Въ академіи наукъ» свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграммами.—«Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?»—возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.—«Но всѣ говорятъ, что ваши!»—«Мало-ли, что говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью».

И вотъ когда Уваровъ захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и посрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукула» (съ латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 года. Появленіе оды вызвало большую сенсацію въ придворныхъ сферахъ и привело за собою

не мало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отозвавшемся о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ, и онъ сейчасъ-же предъявилъ мнѣ его, сказавъ:—«Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукуломъ и переводомъ съ латинскаго, но согласитесь, что мы, да и все русское общество въ ваше время на столько просвѣщено, что умѣемъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя!»—«Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества»...—«Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа значительная въ служебной іерархіи»...—Тутъ я перебилъ его:—«Но позвольте-же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?»—«Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишите на него стихи и не отопретесь, то-есть подпишетесь подъ ними!»—«Сказалъ, и теперь не отпираюсь... только эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него»—«А на кого-же?»—«На васъ!»—Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:—«Что? на меня?» А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!» Тутъ уже Александръ Христофоровичъ, во всемъ величіи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя

ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ:—«Однако, послушайте, сочинитель! Что-же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ): «Теперь ужъ у вельможъ не стану няньчить ребятишекъ»... Ну, это ничего... (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность—трынъ-трава, жену обманывать не буду!»—Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая): «И воровать ужъ не забуду казенныя дрова!»—«А? что вы на это скажете?»—«Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости!»—«Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?»—«Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!»—Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гмъ! да! самъ виноватъ!»—«Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

Наконецъ, ко всему этому присоединились и непріятности чисто литературныя. Подписка на «Современникъ» шла плохо. Пушкинъ замѣчалъ вообще охлажденіе къ нему въ литературныхъ сферахъ. Кое-гдѣ въ журнальной критикѣ начинали проскальзывать опасенія, что онъ исписался, и при нервной раздражительности Пушкинъ глубоко принималъ къ сердцу всѣ эти толки и выходилъ изъ себя. И вотъ передъ смертью у него все болѣе и болѣе развивается отвращеніе къ жизни. «Я ошеломленъ, писалъ онъ осенью Осиповой не задолго до своей смерти, и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ, жизнь, какая она ни на есть пріятная привычка, а все-же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи».

Такимъ образомъ всѣ обстоятельства, повидимому, прямо вели поэта къ какой-либо катастрофѣ, особенно, принимая въ разсчетъ пылкость и увлекаемость его натуры. Между тѣмъ въ великосвѣтскомъ обществѣ образовалась противъ Пушкина цѣлая коалиція, съ гр. Уваровымъ и Бенкендорфомъ во главѣ; ожидали только случая, чтобы такъ или иначе погубить его, и случай этотъ не замедлилъ представиться: достаточно было, правда, нѣсколько легкомысленнаго, но совершенно невиннаго ухаживанія за женою Пушкина блиставшаго въ то время въ большомъ

свѣтѣ, красиваго, ловкаго, вкрадчиваго кавалергарда, барона Жоржа Геккерна Дантеса, французскаго подданнаго, легитимиста, состоявшаго подъ особеннымъ покровительствомъ Императора Николая,—и вотъ въ свѣтѣ была распущена по этому поводу гнусная сплетня, позорившая честь Пушкина. Въ то-же время Пушкинъ началъ получать рядъ отвратительныхъ анонимныхъ писемъ, исполненныхъ оскорбительнѣйшихъ намековъ и насмѣшекъ. Результатомъ этой адской интриги была ссора Пушкина съ Дантесомъ, раздѣлившая все великосвѣтское общество на два лагеря. Ссора эта не была затушена и женитьбою Дантеса на свояченицѣ Пушкина, Катеринѣ Ник. Гончаровой. Напротивъ того, все болѣе и болѣе разгораясь, разжигаемая недоброжелателями Пушкина, дошла наконецъ до дуэли, которая состоялась 27 янв. 1837 года за Черной рѣчкой, близъ Комендантской дачи, въ 5 часу дня. По словамъ секунданта Пушкина, лицейскаго товарища его Данзаса, гр. Бенкендорфъ зналъ объ этой дуэли, но, обязанный предупредить ее, онъ послалъ жандармовъ не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто-бы по ошибкѣ. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, смертельно раненъ въ верхнюю часть бедра, причемъ пуля, пробивъ кость, глубоко засѣла въ животѣ. Два дня боролся онъ со смертью, въ ужасныхъ мученіяхъ, и наконецъ 29 января утромъ его не стало.

Между тѣмъ вѣсть о несчастной дуэли и безнадежномъ состояніи Пушкина быстро разлетѣлась по городу. Уже рано утромъ, когда Пушкинъ былъ еще живъ, подъѣздъ его квартиры на Мойкѣ у Пѣвческаго моста былъ аттакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ преображенскій полкъ съ просьбою поставить у крыльца часовыхъ, чтобъ возстановить какой-нибудь порядокъ: густая масса собравшихся загораживала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина, и къ крыльцу не было возможности протискаться. Толпы народа и экипажи весь день осаждали домъ; извощиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было похоже на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести

на рукахъ гробъ до церкви. Стихи молодого поэта Лермонтова на смерть Пушкина переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизустъ всѣми. Возникли опасенія, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было провождено вечеромъ; при отпѣваніи 1-го февраля присутствовали одни приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванія, гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, а въ этотъ день поздно ночью гробъ былъ отправленъ въ Святогорскій-Успенскій монастырь, въ сопровожденіи жандармовъ и А. И. Тургенева, которому было поручено совершить погребеніе праха поэта. Прахъ былъ похороненъ возлѣ матери, въ той могилѣ, которую Пушкинъ приготовилъ для себя за годъ до смерти. Тамъ возвышается нынѣ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ подписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» въ лавровомъ вѣнкѣ.

Пушкинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ долга въ 50,000 р. Но сверхъ того, что на похороны ему было отпущено 10 т. р. асс., при кончинѣ его весь казенный долгъ былъ снятъ съ имѣній наслѣдниковъ и сверхъ того высочайше пожаловано было 50,000 р. асс. на напечатаніе его сочиненій, сборъ съ которыхъ опредѣленъ былъ на составленіе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда-же и два сына его зачислены были въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта назначены пенсіи.

Въ 1880 году 5 іюня Москва праздновала открытіе на одномъ изъ лучшихъ своихъ бульваровъ, на Тверскомъ, памятника геніальному и безсмертному поэту, которымъ могла-бы достойно гордиться каждая страна, и это всенародное литературное торжество, собравшее у ногъ поэта всю русскую интеллигенцію, безспорно занимаетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи.